

84(3)
В 38

Анне-Кат.
Вестли

ЩЕПКИН
И ДЕЛО О БОТИНКАХ

Анне-Кат.
Вестли

**ЩЕПКИН
И ДЕЛО О БОТИНКАХ**

Повесть

Перевод с норвежского Ольги Дробот

Художник Вадим Челак

Москва
«Махаон»
2016

УДК 821.113.5-3-93

ББК 84(4Нор)

В38

Anne-Cath. Vestly

KNERTEN FLYTTER

Перевод с норвежского

Вестли А.-К.

В38 Щепкин и дело о ботинках : повесть / Анне-Кат. Вестли ; [перевод с норв. О. Дробот] ; ил. В. Челака. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2016. – 160 с. : ил.

ISBN 978-5-389-04707-5

Малыш с мамой, папой и старшим братом Филиппом переезжают в Бесбю. Теперь они живут в большом двухэтажном доме и у Малыша есть своя комната. Он знакомится с соседским мальчиком Магнусом и его бабушкой, а ещё с хозяином книжного магазина и с башмачником. И однажды с лёгкой руки башмачника Малыш и Щепкин оказались втянуты в странное дело о пропаже ботинок.

УДК 821.113.5-3-93

ББК 84(4Нор)

ISBN 978-5-389-04707-5

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 2010 [All rights reserved.]

© Дробот О. Д., перевод на русский язык, 2016

© Челака В.Г., иллюстрации, 2016

© Оформление. Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Махаон®

НАПОСЛЕДОК

Однажды маленький мальчик залез на сосну, обнял ствол, прижался к нему щекой и замер. Дерево было старое, мальчик звал его «прадедушка». Мальчик удобно уселся на широкой, крепкой ветке и уткнулся носом в кору. Как же прекрасно прадедушка пахнет! Распаренной на жаре сосной, смолой, солнцем — всем таким привычным, надёжным, понятным... И всё это мальчику надо бросить. Оставить прадедушку, дом у дороги, всех, с кем подружился здесь. Прощаться с ними было грустно, очень грустно, но оказалось, что даже немножко интересно.

Начал он с Кнопки из домика на горе. Сперва Кнопка ужасно расстроилась, но потом сказала, что выйдет за Малыша замуж, когда вырастет, и перестала огорчаться так сильно. Старик столяр, его закадычный друг, вырезал ему в подарок лошадку, на которой верхом сидит принцесса с распущенными волосами. Тётушка Забота и Лилле-Бьёрн плакали самыми настоящими слезами из-за того, что Малыш уезжает. Вернее, переезжает, причём не один. Они уезжают все вместе: мама, папа, старший брат Филипп и он сам. Его, кстати, зовут Андреас, но для всех он просто Малыш.

Папа Малыша получил работу в городке под названием Бесбю. Теперь он будет трудиться в конторе, и он этому рад, потому что до сих пор он неделями ездил по всей стране и торговал пальто и платьями. Папа нашёл в Бесбю старый дом, в нём они и поселятся.

В Бесбю с Малышом едут ещё трое приятелей. Во-первых, его лучший друг Щепкин — обломок соснового корня, но на вид вылитый человек. Это на его прадедушку Малыш сейчас забрался. Щепкин везёт с собой жену Корнеевну. Щепкин не любит слово «жена» и всегда кривится, когда Малыш её так называет, а сам величает Корнеевну только супругой: моя супруга то, моя супруга сё... Правда, сейчас она сама и их сынок, крошка Корешок, надёжно упакованы и лежат сверху в одной из маминых корзин, но верного друга Щепкина Малыш взял с собой попрощаться с прадедушкой.

— А ты не хочешь поехать с нами в Бесбю? — спросил он прадедушку.

— Не-ет, — ответил прадедушка. — Сколько себя помню, всегда я стоял на этом самом месте и накрепко врос в него корнями, но тебе полезно поездить по миру.

— Мы как-нибудь навестим тебя и всё расскажем, — сказал Малыш и заторопился: — Щепкин, бежим, вон приехал фургон за вещами!

Фургон оказался машиной-гигантом. Рядом с ним их домик выглядел малюткой. Но это хорошо, что фургон огромный, потому что в него должны поместиться все-все их вещи. Четверо крепких работников сноровисто грузили в машину столы, стулья, кровати.

— Страшные силачи, — шепнул Щепкин Малышу. — Не разрешай им брать меня в руки, а то сожмут случайно — и конец.

— Нет, я тебя буду сам держать. Они вон тащат письменный стол Филиппа.

— Малыш, ты свой велосипед не забыл? — спросила мама.

— Как раз за ним иду, — ответил Малыш.

Его красный трёхколёсный велосипед стоял в гараже.

— Ну вот, — сказал Малыш велосипеду, — в последний раз ты тут постоял. Жалко, что мы не можем перевезти в Бесбю твой гараж, но придумаем там что-нибудь вместо него.

Малыш медленно подъехал на велосипеде к фургону.

— Этот велосипед едет тоже, — сказал он.

— Конечно. Мы его поставим сверху, чтобы не помялся. А ты почему всё ещё не запакован? — спросил грузчик и сильными руками поднял Малыша.

— Пусти! — закричал Малыш, а Щепкин загудел:

— Нельзя! Положи! Оставь нас в покое!

Грузчик захохотал и бережно поставил Малыша на землю.

Когда фургон заполнился вещами, из дома вышел папа.

— До свидания, Малыш, — сказал он. — Я поеду с вещами, а вы догоните, когда мама кончит уборку. Филипп ей помогает, так что они управятся быстро.

Дойдя до машины, папа остановился и долго смотрел на дом. «Как будто прощается с ним и желает ему всего хорошего», — подумал Малыш. Но вот папа сел в кабину, и огромный фургон осторожно выехал со двора. Малыш вернулся в дом. В нём было пустынно, гулко и непривычно. Посреди гостиной Филипп, лёжа на животе, скоблил пол.

— Ты пол моешь? — изумился Малыш. — Первый раз такое вижу!

— Сегодня все должны работать, — откликнулся Филипп. — Пойди-ка подмети коридор и лестницу.

— Вперёд, Малыш! — поддержал Филиппа Щепкин. — Впрягайся! Бери веник, там полно мусора.

Работали они дружно и быстро навели порядок в доме. Потом мама проверила, закрыты ли окна на шпингалеты и всюду ли выключен свет. Наконец она заперла входную дверь и сказала:

— Нам хорошо жилось в этом доме, я буду всегда вспоминать его добрым словом.

Они спустились к дороге и стали ждать красный автобус.

— В последний раз, — сказал Малыш.

— Вон идёт, — заметил Щепкин.

В автобусе Филипп, как всегда, сел на последний ряд, зато мама с Малышом сели впереди, и Малыш поднял Щепкина повыше, чтобы тот мог смотреть в окно.

— Ну, поехали! — скомандовал Щепкин.

— Счастливого оставаться, дом, — сказал Малыш. — И вам всем счастливо. До свидания, прадедушка!

И красный автобус покати́л по дороге. Они проехали магазин в Гампетрефе, проехали школу, где учился Филипп, проехали больницу, где лежала мама, когда в гололёд упала с велосипеда. Наконец автобус остановился и открыл двери. Конечная. Он теперь развернётся и поедет назад, мимо их домика и Гампетрефа, а они втроём останутся тут, на вокзале, ждать поезда. Щепкин кряхтел и не хотел вылезать из автобуса, но едва они вошли в зал ожидания, как он и думать об этом забыл, столько всего интересного было вокруг. Даже голоса звучали тут иначе, они как будто гремели, поэтому все говорили шёпотом.

Мама купила в кассе билеты и узнала, что их поезд отходит через полчаса. Но Малыш ничуть не огорчился, он был готов сидеть тут хоть целый день. В зал ожидания всё время торопливо входили люди с чемоданами, они с испугом кидали взгляд на окошечко кассы, боясь услышать, что поезд ушёл. Узнав, что до отхода поезда много времени, они садились на стулья, но вели себя странно. Заводили разговор, а отвечали невпопад, лишь бы что-нибудь сказать, потому что голова у всех была занята поездкой. Внезапно все повскакали с мест.

Поезд! Мама тоже быстро встала, а Филипп уже протиснулся к самым дверям и махал им рукой, чтобы они шли к нему.

— Ну что вы там канителитесь?! — крикнул он.

Едва они вышли на перрон, Щепкин заныл:

— Какой стук, какой грохот! Что это ползёт на нас? Спрячь меня! И где, спрашивается, моя супруга? А мальчик наш где?

— Они в маминой корзине, мне с одним тобой забот хватит, — ответил Малыш.

— Ты бери Малыша, а я возьму корзины, — сказала мама Филиппу.

— Ты бери Щепкина, а я возьму тебя, — велел Филипп Малышу.

Филипп сперва поднял в поезд Малыша с Щепкиным, а следом втянул маму с корзинами, чтобы никто не остался на перроне.

— Здесь мест нет, пойдёмте в следующий вагон, — сказал Филипп.

Но свободных мест не оказалось и там. Они долго шли по вагонам, лавируя среди стоявших посреди прохода чемоданов, пока наконец не увидели пустые сиденья. Малыш с мамой сели, а Филипп решил постоять у окна в коридоре.

В их купе уже ехало шесть человек. Малыш внимательно оглядел всех по очереди. Одна тётя была очень красивая, одна вязала, ещё были две почти взрослые девушки, мужчина читал газету, а другой просто спал.

— Мы никого из них раньше не видели, а теперь сидим вместе. Скажи, странно? — шепнул Малыш Щепкину.

Малыш ещё раз оглядел попутчиков, внимательно рассматривая каждое лицо, и решил, что теперь они

уже знакомы. Раздался свисток, и поезд тронулся. Он проехал вдоль перрона и стал набирать скорость.

— Держи меня крепче, — вскрикнул Щепкин, — а то я в окно выпаду!

— Держу, держу, — ответил Малыш.

Но ехать оказалось тряско и вообще странно, держать Щепкина ровно было не так легко. Едва застучали колёса, девушки заговорили. Они хихикали, вспоминали, видно, что-то смешное, сидевшая рядом с ними женщина вязала, но Малыш видел, что она ловит каждое их слово. Красивая тётя просто смотрела в окно и думала о своём, а дядя листал газету, шелестя страницами.

— Всё пролетает мимо, — сообщил ему Малыш, когда тот выглянул из-за газеты. — Вон конь пасётся.

— Угу, — сказала мама и вежливо улыбнулась, она как-то изменилась, сев в поезд.

За окном мелькали дома, дома, дома, и в каждом жили незнакомые Малышу люди. Иногда поезд проезжал в лес, ещё Малыш увидел много-много полей и несколько озёр.

Филипп заглянул в купе и сказал:

— Малыш, не хочешь постоять со мной в коридоре?

Смотреть в окно стоя оказалось ещё интереснее — так поезд ехал как будто бы гораздо быстрее. У окна они стояли долго. Филипп молчал, Малыш тоже помалкивал, но оба думали о том, как изменилась сегодня их жизнь: они уехали из старого дома и поселятся в Бесбю.

— Подъезжаем, — позвала мама Малыша, — иди на-
день курточку.

Мама поторопилась, и они ещё долго стояли оде-
тые в тамбуре. Но вот поезд сбавил ход и притормо-
зил у перрона.

— Бесбю, — сказал Филипп.

— Да, — ответил Малыш, но больше ничего не ска-
зал, потому что увидел на платформе такое, что от
изумления открыл рот.

На перроне стоял оркестр, и, едва поезд остано-
вился, грянула музыка: застучали барабаны, задудели
трубы.

— Сегодня празднуют Семнадцатое мая? — с видом
знатока важно спросил Щепкин.

Малыш покачал головой. Но как же здорово, что
именно сегодня на вокзале устроили концерт!

— Добро пожаловать в Бесбю! — приветствовал их
папа.

Он ждал их на перроне и теперь зашёл в вагон,
чтобы помочь вынести вещи.

— Неплохо, когда на новом месте тебя встречают
с оркестром, — улыбнулась мама.

— Они играют, потому что мы приехали, — шепнул
Малыш Щепкину.

— Это городская футбольная команда возвраща-
ется со вчерашнего матча, — сказал папа, но Ма-
лыш не стал слушать его объяснений, потому что
верил, что оркестр играет по случаю их приезда
в Бесбю.

Музыка смолкла, и папа с мамой, Филиппом, Малышом и Щепкиным вышли из вокзала и направились вверх по улице.

— Это почта, — сказал папа.

— Понятно, — кивнула мама.

— Щепкин, запомни: почта здесь, — сказал Малыш.

— А это книжный магазин, — продолжал папа. — Сюда можно приходить, чтобы познакомиться с книжными новинками: посмотреть их, полистать.

— Глядите! — закричал Малыш. — У них на витрине книга Кнопкиного папы! Видите? Во-о-он...

— Правда? — удивился папа. — Ну и ну!

— А вот кино! — обрадовался Филипп.

— А здесь молочный магазин, — сказал папа. — Сейчас тут тихо, а по утрам толчея и бидоны гремят.

— Прекрасно. — Мама взяла папу под руку.

— Говорите тише, — попросил Филипп. — И не ходите под ручку.

— Не волнуйся, — сказала мама. — Далеко ещё?

— Не очень, — ответил папа. — Тут врачи, обычный и зубной.

— Слышал? — спросил Малыш. — Доктор.

— Мм, — промычал Филипп и приложил палец к губам.

Малыш кивнул. Это секрет, что Филипп хочет стать доктором, о нём знают только Малыш и Щепкин.

— А вот булочная, — сказала мама. — Малыш, видишь, где крендель над дверью?

— Ага, — кивнул Малыш.

Он не пропускал ни одного здания, но магазины почти кончились. Впереди было несколько жилых домов, потом ещё магазин, потом снова дома. Малыш увидел небольшой дом, белый, но крашеный давно.

— Пришли, — сказал папа с напускным безразличием, но было видно, что он ужасно волнуется: а вдруг маме не понравится?

Мама долго разглядывала дом, потом повернулась к папе и сказала:

— У этого дома вид нашего дома, — и улыбнулась.

— Внутри он ещё лучше, — сказал папа. — Пойдёмте знакомиться.

СВОЯ КОМНАТА

Они ходили по дому и смотрели во все глаза. Везде стояли коробки. Где-то мебель расставили по местам, а где-то сгрудили в кучу. Гостиная имела странный вид, потому что в ней стоял стол, четыре табуретки и больше ничего.

— Здесь можно будет много всего поставить и повесить, — сказала мама. — А стены покрашены очень красиво!

Стены в начале лета красили папа с Филиппом, теперь оба гордо приосанились. Гостиная была в голубых тонах с белым бордюром.

— Вот повесим занавески, станет ещё уютнее, — сказала мама и скрылась в кухне: пошла искать коробку с чашками.

Папа с Филиппом распаковывали ящики, их не стоило отвлекать.

— Жалко, дождь начинается, — сказала мама, — а то Малыш мог бы погулять, пока мы вещи разбираем.

— А что ты в свою комнату не бежишь? — спросил Малыша папа. — По-моему, ты везунчик. Редко у кого в твоём возрасте бывает отдельная комната.

Малыш вышел в коридор и взглянул на лестницу с красивыми коричневыми блестящими перилами. Он не удержался и несколько раз провёл по ним рукой.

— Главная красота здесь — перила, — сказал Малыш.

— Думаешь? — откликнулся Щепкин.

— Я же вижу, — ответил Малыш и понёс Щепкина наверх.

Второй рукой он вёл по перилам, поглаживая их украдкой, чтобы Щепкин не увидел.

— Мы уже поднялись, отцепляйся от деревянной горки, — сказал Щепкин, едва они дошли до второго этажа.

— Ага, — кивнул Малыш.

В коридоре было довольно темно, и на всякий пожарный Малыш перешёл на шёпот. Нет, страшно тут не было, просто окошко, в которое падал свет, было небольшого размера, и всё выглядело мрачновато.

— Эта комната мамы с папой, — шепнул Малыш Щепкину.

Комната была большая, и в ней уже стояли две кровати и два ночных столика, только пока они расположились посреди комнаты, словно вышли прогуляться.

— К Филиппу заглянем? — спросил Малыш.

— Конечно! — ответил Щепкин тоже шёпотом. — Нам там самое место.

— Это мы в старом доме так привыкли, потому что там у нас с Филиппом была одна комната на двоих, а здесь будут две разные, — объяснил ему Малыш и сразу расстроился, что теперь не будет как прежде.

Он приоткрыл дверь и заглянул в комнату Филиппа. В ней стояла кровать брата, его письменный стол, а настольная лампа лежала на кровати, потому что её пока не собрали.

— Твоей кровати тут нет, — шепнул Щепкин.

— Нет, — сказал Малыш. — Пойдём, она в другой комнате.

Родительская спальня была в середине этажа, комната Филиппа в одном углу, а Малыша — в противоположном, так что до неё надо было ещё дойти.

Малыш открыл дверь в свою комнату.

— Тут только твоя кровать, а больше ничего нет, — прошептал Щепкин.

— Нет, тут ещё мой стол и стул, — шёпотом ответил Малыш.

— Но нет никаких твоих вещей. И Корнеевны с Корешком тоже нет, — грустно вздохнул Щепкин.

Малыш сел на стул.

— Устал? — спросил его Щепкин.

— Нет, я просто хочу почувствовать свою комнату, а ты так много болтаешь, что я ничего не чувствую.

Малыш долго сидел и прислушивался к себе. Нет, это не его комната, во всяком случае, пока точно не его. Он чувствовал себя тут очень одиноко. Малыш посмотрел на кровать.

— По-твоему, у меня хватит сил? — спросил он Щепкина.

— Да, — ответил тот, — но шуметь нельзя.

— Это понятно, — прошептал Малыш.

Он начал двигать кровать. Раздался резкий звук, но, к счастью, папа с Филиппом внизу громко стучали молотками. Малыш стал прислушиваться. Как только они начинали стучать сильнее, он толкал кровать ещё немножко. Труднее всего оказалось перетаскать её через порог. Щепкин стоял на кровати и командовал. При каждом падении он весело приземлялся на мягкий матрас.

— Раз, два, три! — считал Щепкин, и Малыш налегал на спинку кровати.

— Раз, два — стоп! — крикнул Щепкин, потому что внизу вдруг перестали стучать.

Малыш затих, как мышонок. Половина кровати была уже в коридоре, а половина ещё в комнате.

— Раз, два, три — взяли! — опять скомандовал Щепкин, когда папа внизу снова громко застучал.

Теперь они вытолкали кровать в коридор. Папа стал стучать реже, но двигать кровать по коридору удавалось без особого шума, порожков здесь не было.

— Э-эй! — крикнул Щепкин. — Пукай! То есть пикай! Я хотел сказать: пихай! Так, да?

— Так, — ответил Малыш.

Он весь взопрел, по спине катился пот. Зато кровать уже стояла у двери Филиппа. Что ж папа не стучит-то? Но внизу было совершенно тихо, а потом раздались голоса папы и Филиппа. Они разговаривали, стоя в коридоре. Лишь бы они сюда не сунулись!

— Давай вынесем коробки во двор, — услышал Малыш папин голос, — а завтра они сами их заберут.

И папа с Филиппом стали носить коробки на улицу. Мама была на кухне, а это совсем в другом конце дома, бояться нечего.

— Раз, два, три — взяли! — скомандовал Щепкин.

Малыш приподнял кровать за край изголовья и перетащил его через порог. Потом ему при-

шлось залезть на кровать, перелезть через задний бортик и поднажать. Это оказалось ужасно тяжело, потому что ему приходилось одновременно поднимать кровать и толкать её, но Малыш справился. И аккуратно задвинул кровать в угол. Всё, дело сделано.

— Теперь спускаемся вниз, и никому ни слова, — сказал Щепкин.

— Дождь кончился, — ответил Малыш.

Он смотрел в окно. Во дворе папа с Филиппом носили коробки.

Малыш ринулся вниз и выскочил из дома. После дождя всё благоухало, папа и Филипп — вот они, рядом. Мама машет им из окна кухни.

— Малыш, хочешь нам помочь? — спросил папа. — Там в коридоре кучи стружек и упаковки. Всё надо отнести в сарай.

— Будет сделано! — ответил Малыш и взялся за дело так рьяно, что папа даже встревожился.

— Ты уж так себя не загоняй, — сказал он. — Вижу, ты будешь крепко спать сегодня. Первая ночь в своей комнате!

Малыш хотел промолчать, но Щепкин зашептал:

— Меняй тему, быстро! Говори о другом.

— Хорошо, что погода наладилась, — серьёзно ответил папе Малыш.

Папа с Филиппом даже переглянулись: обычно Малыш так по-взрослому не разговаривает, это, наверно, из-за переезда.

Они работали весь день до вечера, а мама разбира-
ла кухню и очень устала. Под конец она села, положи-
ла голову на руки и простонала:

– О-ох... Кровать Малышу я так и не постелила,
а ему спать пора.

– Я могу сам постелить, – откликнулся Малыш.

– Сам? Так ты уже совсем большой мальчик!

Она отыскала в коробках простыню, подушку, наво-
лочку и пододеяльник. Теперь наверх надо было нес-
ти большую охапку, но Малыш положил всё на пе-
рила и повёз, подталкивая снизу. Аккурат когда он
доставил свой груз на второй этаж, из спальни вы-
шел папа. Малыш направился было в комнату Фи-
липпа, но спохватился и свернул в свою.

– Малыш, ты всё ещё работаешь? – удивился
папа.

– Ага, – кивнул Малыш.

Он ввалился в свою комнату, ссыпал на пол всё,
что держал в руках, и снова выскочил в коридор. Он
боялся, как бы папа не зашёл к нему.

– Ты чем занят? – спросил папа.

– Маме помогаю, – ответил Малыш.

– Молодец, я сейчас тоже пойду ей помогать.

Папа стал спускаться по лестнице, а Малыш пе-
ретащил своё постельное бельё в комнату Филиппа.
Он ловко натянул наволочку, более-менее справил-
ся с простынёй, но кто бы мог подумать, что вде-
вать одеяло в пододеяльник такая мұка. Для нача-
ла Малыш попробовал просто запихнуть в разрез всё

одеяло. Из этого ничего не вышло, пришлось медленно, сантиметр за сантиметром, пропихивать одеяло внутрь. Наконец оно целиком исчезло внутри пододеяльника, но теперь Малыш не мог найти ни одного конца. Похоже, одеяло свернулось клубком, но разбираться с ним не было времени.

Малыш поспешил вниз.

— Спокойной ночи, я пошёл спать! — крикнул он с лестницы.

— С тобой не надо посидеть? — спросила мама.

— Нет. Я так устал, что сразу засну, — сказал Малыш.

— И я тоже, — добавил Щепкин.

— Приятных снов на новом месте. В своей комнате, — сказал папа. — И сосчитай все окна и двери, тогда сон сбудется.

— У меня одно окно и одна дверь, — отрапортовал Малыш.

— И у меня так же, — добавил Филипп, — легко запомнить.

— У-у, — пробормотал Малыш, подхватил Щепкина и пошёл наверх.

— Зубная щётка в ванной! — крикнула мама ему вслед.

— Представляешь, у нас тут и ванная есть, а мы забыли её посмотреть. Нас наверняка на днях искупают.

— Может, и обойдётся, — опасливо ответил Щепкин. — Но я могу издали посмотреть, как ты купаешься.

Малыш громко прополоскал горло, постоял в ванной и шмыгнул в комнату Филиппа. Теперь всё решала скорость, потому что не станут же они его будить, чтобы перетащить в другую комнату. Малыш натянул на себя одеяло и закрыл глаза, Щепкин нёс вахту в ногах кровати.

— Всё тихо. Ничего подозрительного я не слышу.

А в это время внизу папа вдруг сказал:

— Малыш молодчина и храбрится, но всё-таки сегодня первая ночь в новом доме. Надо пойти посмотреть, как он устроился.

Они втроём на цыпочках поднялись на второй этаж и подошли к комнате Малыша. Дверь была закрыта.

— Ни звука, — сказала мама. — Уснул, похоже.

— Давайте взглянем одним глазком, — предложил папа.

— Интересно, как он устроился в отдельной комнате, — поддержал Филипп.

Мама взялась за ручку. Дверь скрипнула, сопротивляясь, но всё же подалась и приоткрылась.

— Ничего не вижу, — сказала мама.

— Да, очень темно, — ответил папа. — Давайте оставим дверь открытой, чтобы было виднее.

Он распахнул дверь, и свет из коридора рассеял темноту.

— Ой, — сказала мама.

— Кровать куда-то делась, — сказал папа.

— Хитрюга, — сказал Филипп.

— Но где же кровать? — запаниковала мама. — Мы ведь поставили её сюда!

— Поставили, — кивнул папа. — Помните, мы ещё говорили, что надо отодвинуть её от окна, и поставили вот тут.

— Но её нет! — крикнула мама, направляясь в спальню. — И здесь тоже нет.

Теперь уже папа сломя голову кинулся в комнату Филиппа.

— Тут он, спит, — шёпотом сообщил папа.

Они все трое вошли в комнату. Кроватка Малыша аккуратно стояла у стены в углу, точно как в старом доме. Малыш лежал под одеялом.

— Они идут сюда! — крикнул ему Щепкин. — При-
творись спящим!

Щепкина услышал только Малыш и зажмурился.

— Филипп, это ты ему кровать перетащил? — спросил папа.

— Я? Нет. Я об этом ничего не знал. Ну и работёнку он провернул. Силён братец!

— Я поправлю одеяло. И пусть уж спит тут сегодня, хорошо?

— Конечно, — кивнул Филипп. — Ему нужно время, чтобы привыкнуть. Я подожду.

Мама вставила кончики одеяла в углы пододеяльника и подоткнула его со всех сторон, укрывая Малыша. Щепкин остался стоять в ногах кровати. Потом они на цыпочках вышли из комнаты, но через несколько минут Филипп вернулся.

– Малыш, ты спишь? – спросил он.

– Почти буду скоро, – ответил Малыш. – Ты злишься?

– Нет, – сказал Филипп. – Думаю, как же ты ухитрился один перетащить кровать? Да так тихо, что мы ничего не слышали.

– Я помог, – ответил Щепкин.

– Вот увидишь, скоро ты обживёшься в новом доме и тебе, конечно, захочется жить в своей комнате. А я помогу тебе повесить полочки, чтобы стало уютно и удобно. Но я не сержусь, что ты сейчас спишь тут.

Малыш почувствовал, что у него не осталось сил: как будто ему дали наконец разрешение чувствовать себя смертельно усталым. Филипп занимался своими делами здесь же, рядом, и всё было как всегда.

ПЕРВОЕ УТРО

В первое утро в Бесбю Малыш проснулся рано, но Щепкин уже не спал.

– Филиппа не буди, – прошептал Малыш.

– Но мы можем встать? – тоже шёпотом спросил Щепкин.

Малыш забрал свою одежду и крадучись вышел из комнаты старшего брата.

– Пойдём в мою комнату? – спросил он шёпотом.

— В нашу, — поправил его Щепкин. — Идём, конечно.

В окно комнаты Малыша светило солнце. А в комнату Филиппа оно ещё не пришло.

— Здесь приятно просыпаться утром, — сказал Малыш. — Можем делать так: вечером ложиться у Филиппа, а просыпаться у себя. Щепкин, давай в окно поглядим?

Они увидели деревья, а за деревьями — дом. Он ещё спал, похоже.

— Давай спустимся вниз, — предложил Малыш. — Нам надо получше познакомиться с нашим новым домом.

Малыш шёл на цыпочках, чтобы не потревожить сон мамы и папы. Рукой он проехал по всем перилам, сверху донизу. Гостиная и столовая смотрели чопорно и строго, зато кухня по-приятельски встретила Малыша хорошо знакомыми предметами. На столе стояла хлебница, Малыш открыл её и достал горбушечку.

— А теперь пойдём познакомимся с твоей родней, — предложил Малыш, намекая на маленькую сосёнку, торчавшую среди кустов.

Щепкин не стал возражать.

— Как мы её назовём? — спросил Малыш.

— Точно не прадедушка, — ответил Щепкин, — она ещё маленькая для этого.

— А ты не хочешь завести себе кузину? — спросил Малыш. — У меня самого нет, но у некото-

рых бывают, я таких видел.

— Кузина? — переспросил Щепкин. — Хорошо, давай её так и назовём.

Он весь светился от гордости, что у него в родственниках есть кузина.

— Так, теперь пойдём знакомиться с городом, — решил Малыш.

— Спрячь меня под свитер, — попросил Щепкин, — чтобы меня никто не увидел. Только голову оставь торчать, мне надо всё разглядеть.

— Мы далеко не пойдём, — предупредил его Малыш, — только за ворота.

Ворота были деревянные, и для начала Малыш решил посмотреть в зазор между досками.

— Видишь что-нибудь? — спросил Щепкин.

— Да, — прошептал Малыш. — Я вижу дом на другой стороне, там кто-то что-то забивает.

– Столяр? – спросил Щепкин.

– Нет. Филипп называл его башмачник. Сходим посмотрим?

– Только одним глазком, – согласился Щепкин.

Малыш открыл ворота, вышел на улицу и встал. Тихо постоял, а потом вернулся назад.

– А мы не пойдём посмотреть башмачника? – спросил Щепкин.

– Пойдём, не дави на меня. Я же не мог уйти, не проверив, смогу ли потом войти.

– Ты прекрасно смог, – ответил Щепкин. – Айда к башмачнику?

– Да, только здесь машины, – сказал Малыш и, посмотрев по сторонам, стрелой дунул через дорогу.

– Прекрасненько, – похвалил Щепкин. – Я ничуть не испугался.

Малыш опасливо заглянул в окно дома башмачника. Хозяин оказался дядькой с чёрной бородой, в расстёгнутой на волосатой груди рубахе. Во рту он держал мелкие гвоздики.

– Гвоздями питается, – заметил Щепкин.

– Нет, Щепкин, люди гвозди не едят. Он просто держит их так, чтобы не искать. Смотри, вон вытащил один изо рта и в башмак его забивает. Теперь второй.

– Так он башмачный столяр, – понял наконец Щепкин. – Он гвоздями ботинки сколачивает.

Тут башмачник поднял голову и увидел их.

Малыш думал удрать, но башмачник кивнул и заулыбался. И Малыш тоже улыбнулся на прощание.

— Ну вот, — сказал он, — с башмачником познакомились.

— Ага, — кивнул Щепкин. — С ним мы быстро управились. Кто у нас следующий?

— Сейчас посмотрим, — сказал Малыш и зашагал по тротуару.

Поодаль стояла группа ребят. Они были чуть постарше Малыша и разглядывали его во все глаза.

— Ужас, как они едят нас глазами, — испугался Щепкин. — Спрячь меня под свитер с головой!

Малыш перешёл на другую сторону улицы и стал с озабоченным видом внимательно рассматривать витрины. Он переходил от одной к другой не отрывая глаз, а потом юркнул в проулок, только ребята его и видели.

— Обманули дураков на четыре кулаков, вот так-то, — сказал Щепкин из-под свитера.

— Ага, — кивнул Малыш и в ту же секунду услышал топот ног — за ним кто-то бежал.

— Зайди куда-нибудь и спрячься, — велел Малышу Щепкин.

— Мне нельзя в магазин, у меня денег нет, — стал объяснять ему Малыш, но тут увидел витрину, которую приметил ещё вчера, потому что в ней лежала книга Кнопкиного папы.

И сам магазин был книжный. С книгами здесь можно знакомиться, говорил папа, брать их в руки, рыться на полках и в коробках. Малыш зашёл в ма-

газин и страшно смутился. Он не ожидал, что книг здесь так много. Они лежали на всех прилавках и столах, и все полки от пола до потолка были сплошь заставлены книгами. Малыш даже вздохнул: непонятно, с чего тут начать.

— Начни вон с того столика, — предложил Щепкин. — Бери их по одной.

— Здравствуйте, молодой человек, — раздался рядом чей-то голос.

Малыш обернулся и увидел мужчину в очках и с копной белых кудрявых волос. Это был хозяин магазина.

— Ты что-то ищешь или просто решил посмотреть?

— Я хотел познакомиться с твоими книгами, но я не знал, что их так много, — ответил Малыш.

— Чтобы с ними со всеми познакомиться, не один день нужен, — улыбнулся хозяин. — Не спеши, вот тебе мой совет.

— У меня как раз сегодня много времени, — сказал Малыш.

— Вот взгляни. — Хозяин протянул ему книгу. — Эта книга о животных. По-моему, она очень красивая. А вот сказки.

— Такая у меня есть, — ответил Малыш. — И ещё с одной твоей книгой я давно знаком.

— Это с которой? — заинтересовался хозяин.

Малыш показал на книгу Кнопкиного папы.

— Ох и намучился он с ней, — сказал Малыш. — Хорошо, Кнопка следила, чтобы он много работал,

и я тоже прислеживал. А когда книгу напечатали, самым первым увидел её я.

— Так ты знаком с автором? — спросил хозяин. — Передай ему от меня привет и скажи, что книга мне очень нравится. Вот садись на стул, посмотри эти книжки.

Малыш выглянул на улицу. Местные ребята сгрудились за окном и глазели на него.

— Больше всего я люблю читать под столом, там мне никто не мешает. Дома я всегда так делаю, — сказал Малыш.

— Интересно, — заметил хозяин. — Но немножко странно валять книги по полу.

— А у тебя нет старой газеты? — поинтересовался Малыш. — Мы её положим на пол.

— Ты очень разумный молодой человек, — согласился хозяин.

Малыш залез под стол, хозяин принёс ему газету. Малыш взял книгу о животных и книгу сказок.

В магазин кто-то вошел. Ага, ребята с улицы. Точно-точно, Малыш видел это по ногам. Потом он услышал голос хозяина:

— Здравствуйте, молодые люди. Чем могу быть полезен?

— Нам нужен карандаш, — ответил голос.

— Поточить его? — уточнил хозяин.

— Да, спасибо, — сказал голос.

— Ещё что-нибудь? — спросил хозяин, заметив, что ребята озираются по сторонам.

— Не-а, — ответили ребята и ушли.

Малыш улыбнулся. Он чувствовал себя совсем как дома и просидел под столом довольно долго. Он хорошенько познакомился и подружился с несколькими книгами и постепенно почувствовал, что ещё не завтракал. Значит, пора домой. Малыш положил книги на место, аккуратно сложил газету и вежливо поблагодарил хозяина.

— Приходи ещё, — пригласил тот. — А позволено ли мне будет спросить, как тебя зовут? Я — книжник Дорсен.

— А я Малыш, хотя по-настоящему я Андреас. Если хочешь, можешь звать меня по имени, потому что никто больше так не делает.

— Понятно, Андреас, — ответил книжник Дорсен.

— Хочешь, что-то покажу? — спросил Малыш и достал из-под свитера Щепкина, а тот заявил:

— Я тоже интересуюсь книгами. Меня прямо поражает, что страницы прижаты так тесно друг к другу и не ссорятся.

Дорсен его не услышал, но Щепкин так ему понравился, что книжник поклонился и сказал:

— Для меня честь познакомиться с вами. Простите, не расслышал имя.

— Щепкин, — сказали Малыш и его друг хором.

— Вот приятно, когда человек такой учтивый и обходительный, — заявил Щепкин. — Именно так и надо со мной разговаривать всегда.

— Мы скоро придём снова, — пообещал Малыш.

— Буду ждать, — кивнул книжник.

Малыш вышел на улицу. Ребят уже не было, но он не твёрдо помнил, откуда пришёл. Он мог бы вернуться и спросить у своего друга-книжника, но он так долго прощался с ним, что глупо было бы начинать всё снова.

— Щепкин, как ты думаешь? — решил посоветоваться Малыш.

— Чего тут думать? — ответил Щепкин. — Или направо, или налево.

— Это я и сам знаю, — сказал Малыш и пошёл по улице.

Одна витрина сменяла другую, но Малыш не мог вспомнить, видел ли он их по дороге сюда.

— Спрячь меня под свитер, — попросил Щепкин. — От этих больших домов я теряю покой.

Вдруг Малышу на плечо легла рука.

— Так вот ты где! — сказал Филипп сердитым голосом. И лицо у него тоже было сердитое. — А мама с папой ищут тебя всё утро.

— Ой, — сказал Малыш, — об этом я не подумал. Они же спали.

— Возможно, — ответил Филипп. — Но с тех пор прошло много часов. Где ты был?

— Под столом у книжника, — ответил Малыш.

— До этого мы не додумались.

— В следующий раз ищите меня там, — предупредил Малыш.

— Потому что для нас с Малышом в книгах вся жизнь, — прибавил Щепкин и уставился на Филиппа немигающим взглядом.

— Герой! — только и сказал Филипп.

УДОУКА С НАЖИВКОЙ

Второе утро Малыша в Бесбю началось со странных звуков льющейся воды.

— Это что такое? — спросил Щепкин.

— Тсс, тише! — остановил его Малыш. — Что-то льётся, это оно шумит и стучит. Может, это дождь, а в крыше дырка? Филипп, что это такое? — спросил Малыш.

Брат не ответил, к тому же его и вовсе в комнате не оказалось, как выяснил Малыш, приглядевшись.

— Он уже встал, — объяснил Щепкин. — Думаешь, заболел?

— Нет, — ответил Малыш, — просто он сегодня в школу идёт, а тогда ему надо ужасно рано вставать.

— Шумит сильнее, — заметил Щепкин.

— Пойдём посмотрим, — предложил Малыш и вместе с другом вышел в коридор.

— Здесь шумит громче, — сказал Щепкин.

— Это из ванной, — шепнул Малыш.

И в этот момент из спальни вышел папа. Он решительно подошёл к ванной и постучал в дверь.

— Филипп, ты наконец помылся? Ты уже час там плещешься! Я опаздываю на работу, мне надо привести себя в порядок! — громко и сердито сказал папа.

В ванной рокотал водопад, потом всё стихло, дверь распахнулась и вышел Филипп в полотенце на бёдрах. Он был мокрый, с него текло, на полу коридора от ванной до его комнаты отпечатались шестнадцать ступней Филиппа.

— Час от часу не легче, — вздохнул папа.

Малыш успел сунуть в ванную нос. Пол был весь залит водой, и кругом клубился мокрый пар, как будто там что-то долго кипятили.

— Филипп переварился, что ли? — спросил Малыш.

— Нет, он душ принимал. Малыш, мне надо потопрапливаться, но всё в порядке, не волнуйся.

И в ванной снова всё зашумело, зашуршало и по-лилось.

— Не дом, а свистопляска, — заметил Щепкин.

— Малыш, это ты там шаркаешь? Ты встал? — крикнула снизу мама.

— Да. А мне тоже надо в душ?

— Сейчас не стоит, — крикнула мама. — Приходи на кухню, здесь умоешься.

И вот Малыш, точно как раньше, на кухне оделся и умылся над раковиной.

— Как ты красиво накрыла завтрак! — сказал он маме.

— Я очень радуюсь, что мы снова завтракаем вчетвером, — улыбнулась мама. — Но если они будут так возиться, то не успеют поесть, им уходить пора.

Папа пришёл быстро, но Филиппа всё не было.

— Филипп не идёт? — спросила мама.

— Он в ванной, — ответил папа, — теперь волосы укладывает.

Они почти доели завтрак, когда пришёл Филипп. Он страшно спешил и никого не видел.

— Тебя ведь не надо провожать в первый день? — осторожно спросила мама.

— Нет, конечно, — ответил Филипп.

— Найди директора и узнай, в каком ты классе, — напомнила мама.

— Хочешь, мы с Щепкиным сходим с тобой? — поинтересовался Малыш.

— Вы можете пройтись со мной немножко, — позволил Филипп.

— Отлично, — оживилась мама. — Заодно Малыш на обратном пути купит хлеба, там есть булочная как раз по дороге из школы.

— Если я буду знать, где твоя школа, то смогу принести всё, что ты вдруг случайно забудешь, — объяснил Малыш.

— Правда, — согласился Филипп.

Сначала они болтали, но чем ближе к школе, тем молчаливее становился Филипп, а потом вовсе оторвался и ушёл вперёд.

— Пока, — торопливо сказал он, — дальше я один.

Малыш его легко понял.

— Я сделаю вид, что я не с тобой, — кивнул он. — Хорошего дня!

Он шёл в десяти шагах позади Филиппа, а тот шёл теперь вразвалочку и не спешил. Когда он все-таки дошёл до школы, оказалось, что ему срочно надо проверить, хорошо ли застёгнут школьный рюкзак, хотя Малыш отлично помнил, как Филипп застёгивал его дома. На школьном дворе толпились большие девочки и мальчики, и Филипп не находил себе места, но, видимо, вспомнил мамины слова и исчез в здании школы.

— Ну вот, дело сделано, — сказал Малыш. — Щепкин, а ты рад, что не школьник? — спросил Малыш.

— Даже не знаю, — вздохнул Щепкин.

— Сейчас мы с тобой пойдём за хлебом, — напомнил Малыш.

Дома мамина просьба совсем не казалась трудной, но чем ближе подходил Малыш к магазину, тем неприятнее казалось ему это поручение, потому что он никогда в этой булочной не бывал.

Но его встретил чудесный запах, а на прилавке под стеклом стояли торты всех видов. Народу было немало, кто-то покупал хлеб, а кто-то пришёл за тортом.

— Смотри, как они тут в Бесбю сумки набивают, — прошептал Малыш. — Хозяину магазина в Гампетрефе тут понравилось бы.

— Что тебе дать? — спросила тётя за прилавком.

— Мне хлеба, — ответил Малыш.

— Какого? — уточнила тётя. — У нас есть из цельного зерна, ржаной, коврижки, обычный и длинные батоны.

В голове у Малыша аж зазвенело от безответной пустоты, потому что в Гампетрефе хозяин магазина всегда точно знал, что нужно Малышу.

— Ржаной, — ответил Малыш, потому что слово показалось ему как будто знакомым.

— Это ты мальчик, который въехал в дом напротив башмачника? — спросила продавщица.

— Я, — ответил Малыш.

— У тебя ещё есть брат?

— Да, старший.

— Раз ты у меня первый раз, тебе полагается кое-что, — улыбнулась продавщица, ушла в заднюю комнату и вернулась с пакетом.

— Это тебе попробовать из брака, — сказала она. — Бывает, торт вышел кривой или развалился, но вкуса-то он не потерял.

— Спасибо большое, — поблагодарил Малыш, подхватил пакет и со всех ног помчался домой.

Он бежал так быстро, что, когда влетел к маме на кухню, едва мог вздохнуть.

— Такой спешки с хлебом нет, не волнуйся, — даже сказала мама.

— С хлебом нет, а с разваленным тортом как раз есть, — торопливо проговорил Малыш. — Мы с Щепкиным пошли на крыльцо его пробовать. Не бойся, тебе мы тоже дадим.

— Повезло тебе с тортом, — заметила мама.

— Это потому, что я первый раз покупал у неё хлеб, — объяснил Малыш. — Если ты пойдёшь завтра сама, тебе, наверно, тоже дадут.

— Боюсь, торты только ребятам полагаются, — ответила мама. — Спасибо, я возьму этот кусок кренделя.

— Неплохо, кстати, быть ребяtnей, — сказал Малыш Щепкину.

Они устроились под сосновой кузиной Щепкина, и Малыш заглянул в пакет. Там обнаружились куски бисквита, торта с вареньем, наполеона, миндального пирога и четыре чуть примятые венские сдобы.

И тут Малыш почувствовал что-то странное: он был почти уверен, что за ним кто-то подсматривает. Малыш огляделся, но никого не увидел. Дворик перед домом был пуст, в кустах вокруг тоже никого

не наблюдалось, а за кустами уже шёл забор. И вот в нём Малыш и увидел щель, а в ней два внимательных глаза. Широко открытые, они не мигая смотрели на Малыша и провожали взглядом каждый кусок торта, который он отправлял в рот. Малыш растерялся. Не скажешь же «привет» и «угощайся» какой-то ничейной паре глаз. Малыш посадил Щепки на ветку и велел ему поговорить пока с кузиной, а сам крадучись двинулся к забору. Но когда он дошёл до щели, глаза исчезли. За забором лежала только маленькая машинка-грузовик. Малыш постоял-постоял и вернулся к Щепкину.

— Там никого нет, но только что был, я уверен, — сказал Малыш.

— Перестань, — вздохнул Щепкин, — нам так хорошо вдвоём, пока ты ни с кем здесь не подружился.

— Ты прав, но очень любопытно, — ответил Малыш.

Он сел и долго о чём-то думал, но вдруг сорвался с места, побежал в сарай и нашёл длинный шест. Постоял, рассматривая его, и довольный кивнул.

— Вот что мне нужно, — сказал он вслух и побежал на кухню.

— Мама, у тебя есть верёвка?

— Толстая или тонкая?

— Тонкая и длинная.

— Вот, возьми. А что это ты задумал?

— Это у меня будет удочка. Понарошку.

Малыш привязал верёвку к концу шеста, а к верёвке привязал кусок пирога из своих запасов.

— Смотрю, тебе весело, — ревниво заметил Щепкин. — А мне вот невесело, потому что я не понимаю, что ты задумал.

— Я не могу сказать, — прошипел Малыш. — Это всё испортит.

— Раз так, я с тобой вообще не разговариваю больше, — с обидой заявил Щепкин.

— Смотри, — сказал ему Малыш.

Он взмахнул удочкой, стараясь перебросить наживку через забор. С первого раза ничего не вышло, и со второго тоже, но в третий раз он сделал замах повыше, и привязанный к верёвке кусок торта перемахнул через забор. Малыш крепко сжимал удочку. Он весь напрягся от нетерпения.

— Ключёт? — спросил Щепкин. — Это я не тебе говорю, а самому себе.

— Пока нет, — ответил Малыш и прислонил удочку к забору.

— Куда ты теперь собрался? Это не разговор, а деловой вопрос, — сказал Щепкин.

— Мне надо отойти на минутку, — предупредил Малыш. — Я сейчас вернусь.

— Не очень-то и хотелось ходить с тобой, — обиделся Щепкин. — Не воображай.

Малыш выскользнул из ворот и тихо пошёл по тротуару к соседнему дому. Там тоже были ворота. Открыть их ничего не стоило: откинул крючок — и готово. Малыш скользнул в ворота и оказался в чужом дворе, который весь был засажен

деревьями. Малыш взглянул в сторону забора. Над ним на верёвке висел кусок торта, но он висел страшно высоко.

Об этом Малыш не подумал. Надо было взять верёвку подлиннее. У забора кто-то суетился. Мальчик. Он тянул руку к тарту, но не мог достать. Но вот мальчик куда-то сбегал и притащил ящик. Вот поставил его под висящим тортом. Тут Малыш понял, что он задумал, и со всех ног бросился назад в свой двор. Там он напрямиком побежал к забору, схватил удочку, и аккуратно в этот момент начало клевать. А потом верёвка перестала натягиваться, Малыш дернул её на себя, и она легко перелетела через забор. Торта на ней не было.

— Прицепим ещё кусочек, — сказал Малыш.

— Сам цепляй, — пробубнил Щепкин, — а то мы только разговорились с кузиной. О своём, о сосновом.

— Понятно, — ответил Малыш, привязывая к верёвке венскую сдобу.

В этот раз он постарался забросить верёвку как можно дальше, чтобы она не висела слишком высоко. И снова клюнуло. Малыш, конечно, поспешил к дырке в заборе — посмотреть. Но как раз когда он прижался к забору, всё закрыла чернота, потому что с той стороны тоже кто-то хотел посмотреть, а когда два человека одновременно смотрят в одну дырку, то получается чернота и ничего не видно. Малыш слышал чужое дыхание. А тот, второй, конечно, услы-

шал сопение Малыша, и оба они разом отпрыгнули от забора.

Некоторое время было совсем тихо, а потом Малыш увидел, как к ним во двор из-за забора спланировало что-то белое. Это оказался белый бумажный пакетик, привязанный к верёвке. Сначала Малыш довольно долго просто смотрел на него. Пакетик раскачивался на ветру туда-сюда.

Малыш не знал, как быть. Снять пакетик? Наверняка его для того и кинули, чтобы Малыш его открыл. Он развязал верёвку и понёс пакет показать Щепкину.

— Это подарочек? — спросил тот. — Бумага шуршит как на именинном свёртке. Но у тебя же нет дня рождения, я это помню.

— Нет, — ответил Малыш и раскрыл пакет.

В нём лежало красивое красно-зелёное яблоко. Кислое ещё, но Малышу так понравилось, что оно прилетело через забор, что он решил, что и вкус у него отличный. В щели снова блестели два глаза, теперь он их ясно видел.

— Спасибо! — сказал Малыш и высоко поднял яблоко над головой.

— Магнус, — ответил тонкий голосок из-за забора. — Мы сейчас уезжаем, на поезде.

— У-у, — только и протянул в ответ Малыш.

Он сразу огорчился. Вдруг два глаза и тонкий голосок уедут навсегда и больше не вернуться? Вдруг они просто в гости приезжали?

– Я завтра обратно приеду, – сказал тонкий голосок.

– Ага! – кивнул Малыш.

Он очень обрадовался! Вот хорошо!

Теперь стало не важно, что два глаза уедут. Даже хорошо – будет время тихо посидеть, и обо всём подумать, и поговорить о подуманном с Щепкиным.

– Его зовут Магнус.

– Я слышал, – сказал Щепкин.

– Он завтра вернётся.

– Понятно, – ответил Щепкин и вздохнул.

ДУШ

На следующее утро Малыш проснулся ни свет ни заря – гораздо раньше Филиппа, хотя тому надо было в школу.

Малыш чего-то ждал и радовался. Причём радость проснулась в нём, пока он ещё спал. Но Малыш знал, чему он радуется – очень уж здорово оказалось играть с мальчиком с той стороны забора. Он сказал, что сегодня придёт снова. Отсюда, из комнаты Филиппа, дома мальчика было не видно, поэтому Малыш отправился к себе. И точно – вот деревья, а вон за ними дом, но в нём ещё не вставали. Значит, у Малыша есть время в запасе. Раз пока никто не проснулся, можно успеть помыться. Щепкина он возьмёт с собой.

— Щепкин, — позвал Малыш, — шевелись! Наша очередь душиться.

— Ни за что! — категорически заявил Щепкин. — Летом я однажды страшно промок и больше не желаю.

— Все должны мыться каждый день, знаешь ли, — сказал Малыш.

— Глу-пос-ти! Немедленно отнеси меня в кровать, я сова и буду спать, — выпалил Щепкин, недавно слышавший, как папа назвал Филиппа типичной совой, потому что такие люди утром не могут встать, а вечером их спать не загонишь.

— Всё, глупостей на сегодня довольно, — отрезал Малыш и с Щепкиным наперевес вошёл в ванную.

— Не лей мне холодную воду на голову! — завопил тот. — Посади меня на полку, а сам мойся сколько душе угодно!

— Не суетись, — строго сказал Малыш. — Никто не собирался начинать с холодной воды. Филипп всегда говорит: сначала тёплая, потом холодная... Та-а-ак, включаем тёплую воду и дёргаем за этот рычажок, тогда она польётся сверху. Ну вот, а теперь моем тебя. Раз, два — начали!

И вода хлынула. Она жарила сверху и была совсем не холодная, а просто кипяток.

Малыш охнуть не успел, как Щепкин исчез в клубах пара и потоке до того нестерпимо горячей воды, что Малыш не мог протянуть руку и выключить кран.

— Филипп! — крикнул Малыш и помчался по коридору в комнату брата. — Филипп же! Скорей! Щепкин обжётся!

— Что? — открыл сонный глаз Филипп. — Горит? Пожар?! — вскрикнул он и в секунду проснулся.

— Щепкин в душе, там кипяток, он сейчас сварится, скорей!

Наконец Филипп понял, что придётся-таки вылезти из кровати, но, чего от него хотят, он долго не мог сообразить. Малыш тянул его изо всех сил. В ванной уже ничего не было видно, один пар, но Филипп аккуратно, чтобы не промокнуть, просунул руку за головку крана и перекрыл воду.

— Ну ты даёшь, Щепкин! — сказал он. — Не сварился?

— Теперь холодную, пожалуйста, — попросил Малыш. — Так Щепкин велел.

Филипп безропотно включил холодную воду. Наверно, в надежде, что холод рассеет пар в ванной.

Наконец-то Малыш смог взять своего друга и прижать к себе. Щепкин был уже остывший. Но олифа, которой когда-то покрыл его столяр, облупилась и вспучилась. В остальном он был жив, здоров и, что совсем странно, не обижен.

— Я помыт-попарен, — сказал он Малышу, — теперь твоя очередь.

Малыш обнял друга и осторожно ощупал, всё ещё не веря, что с ним ничего не стряслось.

Тут Филипп строго и серьёзно сказал:

— Тебе повезло, что у тебя есть Щепкин, иначе неизвестно, что бы с тобой было. Ты мог попасть в больницу. Щепкин тебя спас.

Спаситель Малыша не очень понял, о чём речь, но Малыш понял. Он завернул Щепкина в полотенце для гостей и стал вытирать его, а Щепкин знай гу-дел из полотенца:

— Теперь твоя очередь! Сперва я, но потом — ты!

– Похоже, я мыться в душе уже не буду, – промямлил Малыш, он был очень напуган.

– Не дрейфь, – подбодрил его Филипп. – Конечно будешь, просто зови нас, мы включим тебе воду.

И он покрутил оба крана, чтобы вода стала тёплой, но не горячей.

– Вот мыло, вот мочалка, три хорошенько, – сказал Филипп.

Малыш шагнул в душ. Очень странное дело: вода струится со всех сторон, буравчиками ввинчивается в волосы, стекает по носу и затекает в него и глаза вмиг склеила.

– Ну и видок у тебя, – заметил Щепкин. – Даже глаза закрыл. Мне кажется, я стоял гораздо спокойнее.

– Наклони голову и мойся весь, – сказал Филипп.

Он потёр Малышу спину и дал полотенце, когда тот вылез из душа.

– Теперь вытирайся, а я быстро ополоснусь, иначе папе воды не останется.

Малыш стал вытираться.

– Беги ко мне в комнату. Если к моему приходу ты уже вытрешься, я скажу, что ты молодец, – пообещал Филипп.

Малыш вытирался, не жалея себя. Самыми противными оказались волосы. Малыш их жал, жал, полотенце промокло и стало таким же влажным, как волосы. Тогда Малыш оставил полотенце и просто поддевал волосы пальцами, сжимал и выкручивал, так

что к приходу Филиппа они почти просохли. Филипп сделал ему чудесный пробор, потому что чуть влажные волосы очень послушные.

— Залезай в кровать и грейся, пока я одеваюсь, — сказал Филипп. — А в ванной я открыл окно, чтобы пар выветрился.

— Хорошо придумал, — одобрил Малыш. — Тогда никто ничего не заметит.

Они слышали, как папа вошёл в ванную, а мама побежала вниз ставить чайник.

Но тут же папа строевым шагом вышел из ванной и решительно открыл дверь в комнату Филиппа.

— Всё! Что за безобразие?! Больше никакого душа по утрам! Филипп, что это такое? Ни капли горячей воды, всё залито, со стен и потолка капает. Кошмар!

Филипп ничего не ответил, он молча застёгивал рубашку. Малыш видел, что молчание брата страшно злит папу.

— Папа, — сказал Малыш, — это не Филипп. Просто Щепкин очень долго мылся сегодня, а потом ещё я. А Филипп вообще в душ не ходил.

— Что? — спросил папа.

— Я всё ему объяснил, — ответил Филипп. — Больше он один в душ ходить не будет. Понимаешь, он включил горячий кран, так что большое счастье, что мылся в это время Щепкин, а не Малыш. А то бы он... Но теперь он всё понял. Ты ведь не будешь залезать в душ без спроса и один, да, Малыш?

— Не буду. И Щепкин тоже не будет, — кивнул Малыш.

Папа перевёл взгляд с Филиппа на Малыша с аккуратным пробором на почти высохших волосах и дальше на Щепкина, всё ещё завернутого в полотенце.

— Вот оно что, — сказал папа. — Филипп, прости. Малыш, чтобы это было в последний раз. Боже мой, ты же мог обвариться. Щепкину полагается медаль за спасение жизни человека.

Щепкин страшно удивился, а Малыш сказал ему:

— Будешь сегодня целый день отлёживаться.

— И не подумаю! — не согласился Щепкин.

— Всё-таки на всякий случай тебе надо немного полежать, — сказал Малыш, одеваясь.

Удивительно, сколько всего успело случиться с утра! Вскочил-то он сегодня ни свет ни заря, чтобы побыстрее встретиться кое с кем у забора.

Малыш спустился в кухню. Все держались с ним как-то странно: мама гладила по голове, Филипп обещал сегодня же приняться за полки в его комнате. Пусть верстак ещё не распакован, но он знает, где в подвале лежат материалы, и не стоит откладывать дело в долгий ящик.

— Ну да, — ответил Малыш.

Он был не в восторге от этого разговора о полках, потому что, раз Филипп его завёл, значит, хочет выселить Малыша из своей комнаты.

— Счастливо оставаться, — сказал Филипп и ушёл в школу.

— Маме помогай, — напомнил папа и ушёл на работу.

— Я сейчас вернусь, — сказал Малыш маме.

Она посмотрела на него, и ей показалось, что чего-то не хватает. Ну конечно! У Малыша в руках не было Щепкина.

Она ничего не спросила, но Малыш видел, что ей любопытно, и быстро сам сказал, что Щепкин сегодня отлёживается, потому что он перепарился в душе.

— Вот оно что, — кивнула мама.

На улице всё как будто ещё дремало. Деревья, кусты и сосновая кузина ждали, видимо, его появления. Для начала Малыш решил проверить, не стоит ли уже кое-кто за забором. Он заглянул в щель, но там никого не было, кроме увешанных красными и зелёными яблоками деревьев.

— О-о, — вздохнул Малыш и вернулся к сосновой кухне. — Жалко, нет на тебе яблок, — сказал ей Малыш, — но ничего не попишешь.

Он снова взглянул на забор. А вот интересно, сможет ли он на него залезть? Нет, ему не надо в соседский сад, просто интересно, получится ли у него залезть на самый верх. Тогда он бы там посидел, полюбовался округой.

Малыш пошёл вдоль забора и вскоре увидел удобную планку, чтобы поставить ногу, и вторую планку, чтобы ухватиться руками. Оказалось, это совсем нетрудно. И вот уже голова Малыша торчит над забором, вот он перекинул одну ногу, вот он подтянулся,

чтобы сесть на забор верхом и посмотреть, не стоит ли вчерашний мальчик за каким-нибудь деревом в саду. И тут кто-то как закричит громко и басисто:

— Это что такое? Так вот как ты лазишь в сад за яблоками? Какая наглость!..

Тогда-то Малыш и увидел пожилого мужчину, который грозил ему палкой. Малыш онемел, а тело его одеревенело. Но к старику, петляя между яблонь, бежал маленький мальчик и громко кричал:

— Дедушка, это мой друг! Новый мальчик из соседнего дома! Мы вчера играли, и он ждёт меня.

— А, это меняет дело. Хорошо, Магнус. А тебя как зовут?

— Малыш, — ответил Малыш.

— Забудь всё, что я говорил. — Старик быстро пошёл к дому, припечатывая землю ногами.

Малыш не знал, что и сказать, только радовался, что Магнус прибежал вовремя.

— Я тоже хочу так залезть, — решил Магнус, но ему пришлось пройти вдоль забора, пока он нашёл удобное место. Взобравшись на забор, он улыбнулся: — Мы как будто сидим на конях.

— Ага, — только и сказал Малыш — он как раз тоже играл сам с собой во всадника на коне.

А Магнус сказал:

— Заходи ко мне, давай поиграем.

Малыш обвёл взглядом яблони в соседском саду и покачал головой. Ну уж нет, он никогда в жизни не сунется к этому злющему дядьке.

— Дедушка не страшный, он просто очень любит свои яблоки, — объяснил Магнус.

— Лучше ты ко мне иди, — пригласил Малыш, — потому что у меня дедушки нет.

Магнус кивнул:

— Я обойду по улице.

Он слез с забора и побежал к воротам. Малыш тоже слез с забора и пошёл к своим воротам встречать Магнуса. Ему не терпелось посмотреть на него. Он видел его глаз, потом издали видел его верхом на заборе, и вот наконец Магнус придёт и они увидятся. Ворота открылись, показалась спина Магнуса, и так, задом наперёд, он вошёл во двор.

— Я прошёл так всю дорогу, — сказал он.

Конечно, Малыш не мог не попробовать. И вот они стали пятиться по двору то в одну сторону, то в другую, очень удивив маму, которая вдруг выглянула в кухонное окно.

— Что это? — ахнула она и выронила мочалку, та упала в таз с грязной посудой, выплеснув воду.

Мальчики с серьёзными лицами ходили по двору спиной вперёд, иногда они сбивались с маршрута, но тут же возвращались на него снова.

Но вдруг из-за забора раздался густой бас:

— Магнус, а Магнус, опять ты про меня забыл?

— Я каждый день вожу дедушку гулять, — сказал Магнус, — потому что он говорит, что я должен расхаживать его.

— Понятно, — кивнул Малыш. — А ты вернёшься?

— Не уверен. Мне сегодня ещё на день рождения к Уле из зелёного дома.

— У-у, — грустно сказал Малыш, потому что расстроился: оказывается, Магнус знает ещё какого-то Уле. — Он твой лучший друг, да?

— Нет, что ты, — отмахнулся Магнус.

Малыш снова повеселел. Он проводил Магнуса за ворота. Там стоял дедушка, он стучал палкой и требовал немедленно идти гулять.

— Ты хочешь, чтоб мне тут все ноги свело, да? — накинулся он на Магнуса. — Я же ясно сказал, что меня необходимо расхаживать каждый день.

— Да-да, — ответил Магнус, взял его за руку, и они пошли.

Вдруг дедушка остановился и посмотрел на Малыша.

— Жалко, у тебя дедушка не тут живёт, а то мы могли бы гулять вместе. Очень жалко!

— Может, столяр когда-нибудь в гости приедет, тогда погуляем все вместе, — сказал Малыш.

— Столяр? — спросил дедушка.

— Ну да. Старый столяр, он живёт там, где мы жили раньше.

— Понятно, понятно, — кивнул дедушка, — так и договоримся.

И дедушка с внуком медленно пошли по дороге.

— До скорого, — сказал Малыш.

— До скорого, — пообещал Магнус. — Завтра я в гости не иду.

— Это хорошо, — ответил Малыш и поплёлся домой.

КОМНАТА МАЛЫША

Филипп сдержал слово и в тот же день, вернувшись из школы, принялся за полки для комнаты Малыша. Пришёл папа и тоже включился в работу, а мама внизу в гостиной шила на швейной машинке занавески. Малыша даже покорило, что они с таким рвением спешат обустроить его комнату. Не надеются же они прямо сегодня отправить его спать туда? Малыш поднялся в комнату Филиппа, где всё ещё лежал Щепкин.

— Явился не запыхавшись, — прокричал Щепкин, завернутый в банное полотенце и укрытый одеялом по самый нос. — Чем ты занимался целый день?

— Ходил задом наперёд, — сказал Малыш и запрыгнул в кровать.

В дверь позвонили, и секунду спустя с лестницы послышались незнакомые голоса. Кто-то шёл прямо к Малышу. Он зажмурился и притворился, что спит.

— Это мой братишка, но, когда он спит, его из пушки не разбудишь, так что не стесняйтесь, — говорил Филипп двум незнакомым большим мальчикам.

Они поболтали о школе, а потом занялись чем-то под названием «математика». Это, видно, какой-то трудный урок. Филипп сперва сказал «математика», но двое других говорили только «матика», и Филипп через две минуты заговорил так же.

Малыш устал лежать зажмурившись и осторожно приоткрыл глаза. Разумеется, аккуратно в эту секунду Филипп упёрся в него взглядом.

— Так ты не спишь, что ли? — спросил он. — Иди ко мне, я отнесу тебя в мамину кровать, там тихо.

Малыш ничего не сказал и не заикнулся даже о Щепкине, который так и лежал в кровати, потому что Малыш понял, что в присутствии гостей старший брат немного стесняется.

— Зажги свет, — попросил Малыш, очутившись в маминой кровати, — а то здесь нет никого.

— Хорошо, — кивнул Филипп.

На следующее утро Малыш проснулся снова в своей кровати, а Щепкин приветствовал его словами:

— Ну и здорово было тут вчера! Я теперь тоже поднаторел в математике, так-то.

— Понятно, — сказал Малыш.

— Мне бы хотелось уже воссоединиться с семьёй и обустроиться на новом месте, чтобы эти знатоки математики не галдели у меня над головой, когда мне хочется спать, — заявил Щепкин.

— Пойдём в нашу комнату? — предложил Малыш.

— Давай, — ответил Щепкин.

Малыш распахнул дверь в свою комнату и замер — такая она теперь стала красивая. На полу лежал коврик, на окне висели занавески. К стене были прибиты полки, на одной из них Малыш увидел свои книги. Их у Малыша было не очень много, но все они аккуратно стояли одна к одной. На полке, что повыше, расположились Корнеевна и Корешок. А на самой верхней полке верхом на прекрасном коне восседала принцесса. Эти деревянные фигурки подарил Малышу на прощание старый столяр. Теперь конь и принцесса стояли на отдельной полке, и это было замечательно.

Его столик и стул были выкрашены в тот же светло-серый цвет, что и плинтусы, а вся комната была бледно-зелёного цвета с белой оконной рамой.

— Хе-хекс, — сказал Щепкин. — Здравствуй, Корнеевна! Сынок, добрый день! Как поживаете на новом месте?

— Пока что похвалиться особо нечем, — проговорила Корнеевна. — До вчерашнего вечера мы лежали в корзине, и никто и не подумал показать нам хоть что-нибудь, а тебя мы не видели со дня переезда.

— Знаешь, сколько у нас было дел? — ответил Щепкин. — Мы беседовали с сосновой кузиной и полированными перилами на лестнице. Ещё я принял душ. Это случилось вчера, потом я отлёживался.

— Надеюсь, вы уж скоро сюда переедете, — сказала Корнеевна. — Хоть поможете мне с Корешком. А то он ведёт себя как дикарь из-за переезда. Вчера, как нас из корзины достали, он чуть в окно не сиганул.

— Мы подумаем, — пообещал Щепкин.

Когда Малыш наконец собрался на улицу, мама сказала:

— Малыш, если хочешь, приводи того мальчика, с которым ты вчера играл. Покажи ему свою комнату, я вам дам перекусить. Сегодня на улице мокро, так что лучше играть в доме.

— Хорошо, — кивнул Малыш. — Его Магнус зовут.

— Вот как, — заметила мама, — он сам тебе это рассказал?

— Нет, я просто слышал, как дедушка ему кричал.

Малыш отвёл Щепкина с Корнеевной и Корешком к сосновой кухне, чтобы они все перезнакомились. По пути Малыш заглянул в дырку в заборе, но сегодня там никого не было. Вдруг Магнус не придёт? Вдруг он простудился?

— Мы будем играть, как будто он с нами, — решил Малыш. — Я буду Магнус, а ты дедушка. Давай кричи: «Меня нужно расхаживать каждый день!»

— Отказываюсь, — сказал Щепкин. — Что это вообще такое: де-душ-ка? Я знаю только прадедушку и кузину.

— Я могу быть дедушкой, а ты тогда, чур, Магнус, — предложил Малыш.

— Магнус-в-Щепкине, пожалуйста вам. И дальше что? — спросил Щепкин.

Малыш нашёл палку, стал стучать ею в землю и кричать:

— Магнус, а Магнус, опять ты меня забыл? А меня надо каждый день расхаживать!

Тут они услышали раскатистый хохот, раздававшийся между кустами смородины и сосновой кузиной. Малыш оглянулся и увидел дедушку, а рядом с ним Магнуса, порядком перепуганного, в отличие от дедушки, который чуть не падал от смеха и двумя руками держался за свою палку.

— Недурственно, — смог наконец выговорить дедушка. — Почти как в зеркале себя увидел. Мы с Магнусом хотели спросить, не желаешь ли сегодня пройти вместе с нами, раз ты не таскаешь яблок из моего сада. Да к тому же ты ещё и актёр. Хочешь?

— Да, спасибо, — пробормотал Малыш.

Он добежал до кухонного окна, доложил маме и исчез вместе с двумя новыми знакомыми, а всё семейство Щепкина так и осталось гостить у кузины.

— Малыш большой, а станет ещё больше, — задумчиво сказал Щепкин.

— Хорошо, мы у тебя есть, — откликнулась Корнеевна. — Корешок, пожалей скорее папу.

Корешок приласкался к отцу, и тот утешился.

Когда Малыш и Магнус с дедушкой вышли за ворота, дедушка посмотрел на часы, выждал и, скомандовав наконец «Ннна-а-чали», пошёл вперёд.

Они шли быстро. Малышу казалось, что прохожие расступались, давая дедушке дорогу, видя, что он торопится. А дедушка, хоть и нёсся вперёд в таком темпе, успевал всё примечать.

— Смотрите-ка, у госпожи Ларсен новая шляпа. Пора бы часовщику выставить новые модели на витрину, чтобы завлечь народ. О, господин лавочник наконец помыл свою машину, и то сказать, давно пора.

Дедушка отпускал эти замечания всю дорогу, а Малыш с Магнусом шли по бокам от дедушки, всякий раз переглядываясь и улыбаясь. Дедушка расхаживался ровно полчаса, а после остановился и сказал:

— Спасибо вам обоим за компанию. Теперь я нагулянный и могу отдохнуть до обеда, а там возьмусь за свои яблоньки. До свидания!

И он размашистым шагом вошёл в дом, а Малыш с Магнусом остались стоять на тротуаре.

— Мама сказала, ты можешь зайти к нам домой и даже перекусить вместе со мной, — предложил Малыш.

Магнус кивнул, и они вдвоём пошли к дому Малыша.

— Здравствуй, Магнус, — сказала мама. — Приятно с тобой познакомиться. Заходи. Сейчас принесу вам перекусить, вы наверняка проголодались.

Мальчики кивнули и пошли наверх. Магнусу, кажется, тоже понравились перила, потому что он осторожно вёл по ним рукой всю дорогу до второго этажа.

— Какие гладкие и красивые, — сказал он, и это были его первые слова за весь день. Но, войдя к Малышу в комнату, он выпалил: — Ой, как у тебя красиво! — Потом у него округлились глаза и он сказал с любопытством: — А кровати у тебя совсем нет?

Малыш посмотрел на пустое место, где должна бы стоять его кровать. Без неё у комнаты был очень странный вид.

— Она стоит в комнате у моего старшего брата, Филиппа, — объяснил он. И вдруг предложил: — Давай перетащим её сюда?

Магнус страшно испугался:

— А тебе разрешат?

— Конечно!

Они побежали в комнату Филиппа, взялись за кровать с двух сторон и — раз-два-взяли! — потащили её. Они то толкали её, то пихали и ужасно шумели, но мама всё равно не пришла. Они долго пыхтели, перетаскивая кровать через порог, но в конце концов справились и с этим. Кровать заняла своё законное

место, и они оба сразу увидели, что теперь в комнате всё как должно быть... или почти всё.

Не хватало чего-то важного. Малыш не сразу сообщил, но потом его озарило.

— Я сейчас вернусь! — крикнул Малыш и убежал.

Он бегом спустился по лестнице, бросился к сосновой кухне, подхватил Щепкина, Корнеевну и Корешка и притащил их в свою комнату. Здесь он расставил их на полке, всех троих.

— Это Щепкин, — сказал он Магнусу, — а это Корнеевна, его жена.

— Нет, — как всегда возмутился Щепкин, — не жена, а супруга.

— А это их сынок, Корешок.

— О-о, — восхищённо улыбнулся Магнус, — везёт тебе! А этот конь с принцессой, он тоже твой?

— Ага, его сделал мне старый столяр. А Щепкина я сам нашёл.

Малыш взглянул на полку, где стоял с семейством Щепкин. Похоже, он понял, что сейчас ему самое правильное просто постоять там.

В дверь постучала мама.

— Заходи, пожалуйста, — открыв дверь, пригласил её Малыш.

Первый раз кто-то стучался в его дверь.

Мама принесла поднос, а на нём стояли стаканы с молоком и блюдце с бутербродами. Мама заметила, конечно, что они внесли кровать, но, постелив на стол скатёрку, сказала только:

— Как хорошо у тебя стало, Малыш. А ты, Щепкин, ты там как устроился?

— Тсс, тише! — ответил Щепкин. — Как ты не понимаешь: сейчас Малыш хочет, чтобы я просто постоял на полке как простая деревяшечка.

— Угощайтесь! — Мама пригласила мальчиков за стол.

В комнате у Малыша был всего один стул, и его получил Магнус. А Малыш сел на коврик.

— Я тоже хочу сесть на коврик, — сказал Магнус. — Это гораздо интереснее. А им еда не полагается? — спросил он и кивнул на полку.

— Нам не надо, мы ели однажды в прошлом году чёрные булки, их моя супруга напекла, — ответил Щепкин. — Но спасибо, что вспомнил о нас.

Малыш, продолжая жевать, покачал головой.

Когда они всё съели, Магнус подошёл к окну.

— Ха, это наш дом, — сказал он. — А знаешь что? Угадай, кто живёт в комнате прямо напротив твоей?

— Ты? — обрадовался Малыш.

— Нет, дедушка. У него две комнаты, но в этой он почти всегда. Он здесь спит до обеда и после обеда, только не ночью, и курит трубку.

— Он что-то потерял? — спросил Малыш, приглядевшись, потому что дедушка встал со стула и нагнулся.

— Нет, он гимнастику свою делает, — объяснил Магнус.

Было очень смешно смотреть, как дедушка занимается гимнастикой, но вот он покончил с ней, выпрямился и закричал:

— Магнус, помощник садовника, ты где? Иди помогать мне с яблоньками!

— Тебе надо идти? — спросил Малыш. — У тебя почти не бывает свободного времени?

— Очень редко, — сказал Магнус. — Понимаешь, я должен помогать дедушке выращивать яблоки, так мы зарабатываем деньги на Рождество и ещё кое на что.

— Понимаю, — кивнул Малыш. — Я тоже работал в магазине, пока мама была продавщицей.

— Мы с дедушкой трудимся каждый день, — объяснил Магнус. — Ну пока, мне пора!

Магнус ушёл, и стало грустно, но вскоре мама собралась в магазины, и Малыш отправился с ней и помогал нести сумки, а потом пришли папа и Филипп. После обеда они все вместе прокатились по городу на велосипедах и осмотрели все закоулки. Малыш ехал на багажнике у Филиппа, и было здорово.

Щепкина тоже взяли на прогулку в награду, что он так хорошо и терпеливо вёл себя целый день.

— Самое прекрасное в городе — вокзал, — заявил Щепкин, — и ещё книжный магазин. Два самых лучших места.

— И Магнус, — добавил Малыш, но на это Щепкин ничего не ответил.

Наступил вечер. Малыш занервничал.

— Малыш, пора спать, — сказала мама.

— Я есть хочу, — ответил Малыш.

— Ты же только что ужинал, — удивилась мама.

— Можно мне хотя бы морковку? — попросил Малыш.

— Ну хорошо, — согласилась мама. — Вот тебе морковка, но теперь умывайся и ложись, а я приду посидеть с тобой.

— Ладно, — сказал Малыш и пошёл наверх. — А Филипп где?

— Ушёл к однокласснику спросить про уроки, — ответила мама. — Скоро вернётся.

— У-у, — промычал Малыш; без Филиппа всё на втором этаже казалось странным.

— Я отказываюсь умываться, — заявил Щепкин. — Я хочу в свою комнату, к своей супруге и сыну.

— Ладно, — согласился Малыш и подумал, что заодно посмотрит, как выглядит его комната вечером.

В ней было темно, но он ещё с порога увидел освещённое окно напротив и дедушку, который курил длинную трубку и читал газету.

— Вот бы там лучше Магнус сидел, — сказал Малыш.

— Хм, — хмыкнул Щепкин, — а тебе в душ пора.

— Не в душ, а умыться, — поправил Малыш.

Он задёрнул красивые занавески, включил свет и отправился в ванную.

Пришла мама, помогла ему улечься, поболтала с ним и прочитала сказку про принцессу на горошине.

— Теперь спи, — сказала она, — сладких снов. Первая ночь в своей комнате!

Заглянул папа и спел ему странную песенку «Ехал Мартин на трубе». Песня оказалась не детская, но Малышу нравилось слушать папу, потому что он пел басом.

Вернулся домой Филипп и ушёл в свою комнату заниматься. По дороге он заглянул к Малышу пожелать ему спокойной ночи. Но всё равно Малышу никак не удавалось заснуть, уж больно непривычно было спать одному в комнате.

— Прости, но придётся тебе спуститься ко мне, — сказал он Щепкину, снимая друга с полки.

— Ничего страшного, — согласился Щепкин, — моя семья понимает, что тебе надо со мной поговорить.

Но и так Малыш не мог заснуть. Он прошлёпал босиком к Филиппу и сказал:

— Ты не мог бы читать учебник вслух и не закрывать дверь?

— Конечно, — ответил Филипп, — легко.

Он распахнул свою дверь и проводил Малыша обратно в кровать. Потом вернулся и стал громко читать про страну под названием Танганьика. Малыш слушал. Теперь всё вроде было в порядке. Малыш натянул одеяло на голову, Щепкин, стоявший в ногах, завалился набок. Комната радовалась, что наконец пригодилась. Теперь не было сомнений, что они с Малышом будут друзьями ещё много, много лет.

ЗАХОДИТЕ, ЗАХОДИТЕ!

Малыш и вся его семья прожили в Бесбю почти неделю, приближались их первые выходные на новом месте. В субботу спозаранку мама с Малышом сходили в магазин, а вернувшись, принялись печь. Они испекли кекс и много сдобного печенья, а потом нарезали в саду цветов, чтобы украсить букетами гостиную и столовую. Маленький стол в столовой имел

довольно жалкий вид, потому что вокруг него было слишком много пустого места, но букеты скрасили картину, сказала мама.

— Ну вот, всё у нас готово, — подытожила она. — Сони могут вставать.

И почти сразу же спустился Филипп.

— Уууу, — сказал он, — как вкусно пахнет!

Пришёл папа, но он был какой-то беспокойный и суетился.

— Вы не могли бы открыть настежь все двери? — вот и всё, что он сказал.

Малыш побежал открывать двери, мама замерла на месте, а Филипп выглянул на улицу. Вернулся папа, на этот раз в сопровождении двух грузчиков, которые тащили что-то большое и тяжёлое. Они прошли прямо в столовую и поставили груз на пол.

— Большое спасибо, — поблагодарил их папа.

То, что они притащили, было присыпано сверху стружкой, так что Малыш не мог понять, что за штука перед ним. Зато Филипп сразу сообразил и присвистнул:

— Ничего себе! А я и не мечтал о нём до следующего года, думал, денег нет.

Вернулся папа, он провожал грузчиков.

— Он старый, я купил его у своего сослуживца очень дёшево.

Папа сдёрнул тряпку, и появился верстак. Огромный! Он занимал всё пространство у стены, так что столовая сразу уменьшилась в размере.

— Ой-ля-ля! — ахнула мама.

— Хорош, правда? — радовался папа. — Филипп, надо собрать по всему дому инструмент и сложить его в ящик под верстаком, теперь будем хранить там. А потом я сделаю шкафчик, чтобы не портить вид столовой.

Филипп принёс из своей комнаты пилу, две отвёртки, молоток и кусачки, Малыш пулей слетал в свою комнату и вернулся с маленьким молоточком, клещами и двумя гвоздями, а мама притащила из кухни целую картонную коробку всякой всячины.

— И у тебя есть инструмент? — удивился папа.

— А как же? — ещё больше удивилась мама. — Сверло, шило, отвёртка, молоток, винтики, но вот про них я не уверена, что хочу сдать их в общую кучу.

— Клади, не бойся, — заверил её папа. — Отсюда все будут брать только для дела, не для баловства.

Сам он принёс два мешочка гвоздей и вытащил из подвала оставшиеся с лета доски, плинтусы и планки.

— Хозяйка, что вам нужно в первую очередь? — галантно спросил папа.

Мама задумалась, но ответила быстро:

— Мне хочется табуреточку в комнату Малыша, чтобы ему было на чём сидеть, когда приходит Магнус.

Папа очень воодушевился, он наверняка подумал: «Какое хорошее желание, его я легко исполню! А то я боялся, как бы мама не запросила чего-нибудь очень сложного».

Папа и Филипп с головой ушли в работу, даже обедали наспех. Малышу перепало несколько речек, и он тоже взялся столярничать. Сначала он решил сделать маме рабочий стол на кухню, но это долго и речек не хватит, к тому же один стол на кухне уже есть, так что Малыш вместо него склотил какую-то диковинную зверушку. На кого она похожа, сказать было трудно, но четыре лапы и одна голова у неё имелись, а вид был забавный. Наконец в столовую пришла и мама. И вовсе не для того, чтобы сесть за швейную машинку. Нет, ей тоже хотелось попробовать себя в работе с деревом и смастерить птичью кормушку.

Счастье, что у них отдельный дом, без соседей, потому что они пилили, сверлили и стучали всю субботу. В разгар трудового дня мама принесла кофе с пирогами. Они с удовольствием покофейничали, но тут же снова набросились на работу. Малыш так устал, что сам пошёл спать. Сегодня Филипп не читал учебника вслух, но Малыш этого не успел заметить. Из столовой, где трое продолжали трудиться, отчётливо доносился стук молотка, там что-то пилили и строгали, и лучшей колыбельной Малыш и представить не мог. Но в конце концов взрослые тоже выдохлись, и все пошли спать.

— Сегодня сил нет подметать, — сказала мама, зевая. — Оставим до завтра. Даже хорошо, что мы пока никого толком в городе не знаем и незваные гости посреди такого разора нам не грозят.

— Удивительная у нас мама, — сказал папа. — Чему только она не порадуется!

А в воскресенье утром ярко светило солнце, и папа встал рано. Филипп тоже вскочил на заре в основном потому, что ему сегодня не надо было рано вставать. Мама уже хлопотала на кухне, готовя завтрак, а Малыш так выспался и отдохнул, что теперь взялся кувыркаться в кровати.

— Вот что, — предложил папа, — а давайте мы всех перехитрим? Быстро позавтракаем и пойдём погуляем, пока все ещё не вылезли из постели. В полдень вернёмся, и у нас ещё будет много времени до вечера, чтобы навести порядок в доме.

— Предложение принято, — сказала мама.

Они быстро поели и вышли из дому. Прогулка обещала им множество открытий, потому что они ничего в окрестностях не знали и всё было им ново. За городом начиналась дорога, она привела их в лес.

Папа нашёл несколько грибов, а мама собрала много брусники. Филипп сказал, что захватит домой клочок мха, они его в школе проходят, а Малыш подобрал ветку, из которой легко будет сделать палку для Щепкина, если тот захочет побыть дедушкой Магнуса. Они быстро прошли довольно большое расстояние и примерно в половине первого уже возвращались домой, порядком уставшие.

— Хорошо вернуться домой, — сказал папа довольно. — Мама, а с обедом ещё много возни?

— Нет, я вчера его приготовила, — ответила мама. — Мне надо помочь только подмести в столовой.

— Это я сделаю, — пообещал папа. — Сейчас в душ схожу и подмету.

Подходя в дому, они увидели у соседних ворот Магнуса. Родители Малыша прошли мимо него, а Малыш притормозил. Магнус был нарядный, как с картинки. На нём были длинные тёмные брюки, белая рубашка и красивый вязаный свитер.

— Ты такой нарядный, потому что воскресенье? — спросил Малыш.

— Ну да. Но в основном потому, что я иду к тебе.

— Правда? — обрадовался Малыш. — Так пошли скорей!

— Я должен подождать маму и дедушку, но мы скоро придём, — ответил Магнус.

Малыш ворвался на кухню с криком:

— Мама, мама, я тоже хочу нарядиться! Ко мне идёт Магнус, он очень нарядный!

— Разумеется, — улыбнулась мама. — У тебя на кровати лежит чистая одежда.

— Нет, у Магнуса рубашка и праздничные брюки!

— Что ж, это хороший обычай — одеваться в воскресенье как на праздник. Возьми себе брюки в шкафу, — сказала мама и снова улыбнулась своим мыслям, потому что подумала она о том, как сама переоденется в выходное платье вместо клетчатых брюк, они во время прогулки в лес совсем перепачкались. Но, чтобы переодеться, надо дождаться, пока папа освободит душ. Мама взглянула в окно.

По улице прогуливались люди. Они доходили до ворот Магнуса и шли обратно, как будто бы местом их воскресной прогулки был маленький пятачок перед домом.

«Вот смешные, — усмехнулась мама про себя. — Видно, так у них в городе принято. — Та-ак, — подумала мама, — чего-то я хотела. Ах да, чаю с печеньем. Милое дело перекусить так, потому что воскресенье и можно пообедать попозже».

И мама ушла на кухню поставить на плиту чайник, поэтому она пропустила всё, что происходило

перед домом. А там собралось довольно много людей. Они переглядывались, но словно бы чего-то ждали. Наконец появились дедушка Магнуса, он сам и его мама. Это их все ждали — как ближайшим соседям им надлежало первыми нанести визит новым жителям Бесбю.

Малыш переоделся, он хотел выглядеть нарядно к приходу Магнуса, и, когда в дверь позвонили, он как раз спускался по лестнице. Единственное, две верхние пуговицы на рубашке он застегнуть не успел, ну и ладно. Малыш открыл дверь. На пороге стоял дедушка Магнуса в странном наряде: чёрная шляпа, пиджак с каким-то хвостом и брюки в полоску. А на маме Магнуса был костюм светло-серого цвета и кофточка с какими-то кружевными штучками у подбородка.

— Это ты Малыш? — спросила она. — Очень приятно познакомиться. И добро пожаловать, дорогой сосед.

— Спасибо, — сказал Малыш и на всякий случай снова поклонился. И что ему теперь делать? — Добро пожаловать, — сказал он, вспомнив, что обычно говорят так, и громко позвал маму, чтобы она уже пришла и поговорила по-взрослому с этими взрослыми. — Мама! — закричал он. — Мама! Иди скорее, пришли гости!

В дверь снова позвонили, Малыш снова открыл дверь, но теперь за ней была толпа народа. Все, наряженные как на праздник, смотрят на него дружелюбно и улыбаются.

— Можно ли заглянуть к вам на минутку, молодой человек? — спросила пожилая дама. — Мы хотели бы поприветствовать вас в нашем городе Бесбю.

— Ну мама! — ещё громче позвал Малыш, и она наконец спустилась. В тех самых клетчатых брюках.

— Ой, — сказала мама, — а мы тут в штанах. Мы только вернулись из леса, хотела я сказать.

— Да, за городом сейчас красиво, — согласилась пожилая дама.

— Пожалуйста, проходите в гостиную, сейчас будет чай, — пригласила мама и плотно прикрыла дверь в столовую.

Папа всё это время мылся в душе и никакого шума в прихожей не слышал. Теперь он вылез из душа и достал огромное банное полотенце, свой прошлогодний новогодний подарок. Оно было очень большое, папа красиво завернулся в него и теперь довольный любовался собой в зеркале. Полотенце папа перекинул через одно плечо, и с мокрыми волосами вид у него был точно как у древнего римлянина. Надо ему спуститься так вниз и посмешить всех. Малыш наверняка удивится, что его папа вдруг стал человеком из древнего Древнего Рима. Папа вытащил пояс из халата, повязал как повязку на лоб для пущего сходства с римлянином и пошёл вниз.

В гостиной была громкая разноголосица, видно, Малыш слишком громко подкрутил радио.

Папа решительным шагом подошёл к гостиной и распахнул дверь со словами:

— Что за шум? Мы, древние римляне, такого не любим!

Он тут же попятился, но почти все успели его увидеть, какие-то дамы даже взвизгнули.

Филипп поспешил на шум и на лестнице столкнулся с папой.

— Иди скорей, помоги маме, — сказал папа.

— А кто это кричал?

— Иди быстро, мама ждёт!

— С чем ей надо помочь? — спросил Филипп. — На неё кто-то напал?

— Нет-нет, — сказал папа и стремглав умчался наверх.

Он оделся в две минуты, поставив личный рекорд. Через две минуты папа спустился вниз, нарядный, красивый, и только криво повязанный галстук выдавал его торопливость.

— Прошу прощения, дамы и господа, я был в душе и не знал, что у нас гости.

Тут что-то забулькало и загрохотало, Малыш уже однажды такое слышал. Это засмеялся дедушка Магнуса. Вернее, он захохотал, он давился смехом, он не мог стоять, так он хохотал, поэтому он сел. Вслед за ним многие засмеялись — это куда лучше, чем от смущения ёрзать на стульях, встретив такой странный приём в этом чудаковатом доме.

— Я сбегая наверх переоденусь, — шепнула мама Филиппу, — а ты накрой чай и подай печенье и кекс. Вода кипятится, печенье в жестяной коробке в кладовке, и кекс там же. А Малыш с Магнусом тебе помогут, правда?

— Конечно, — кивнул Магнус, — я дома всегда помогаю, когда гости.

Филипп расстарался. Поставил на поднос чашки, нарезал кекс, достал печенье. Он носился туда-сюда, и Малыш с Магнусом следом за ним, и вот уже гости угощаются, а Филипп учтиво кланяется, он веж-

лив и предупредителен. Вернулась мама в выходном платье. И все наперебой стали говорить, какие милые и хорошие у неё мальчики. Мама не смутилась, а просто сказала:

— Да, они такие.

Она как будто бы наконец выдохнула. Всё шло отлично, и какой приятный в Бесбю обычай — в первое же воскресенье приходить поприветствовать новых жителей городка. Мама расслабилась, погрузившись в эти мысли, но тут какая-то дама сказала:

— Не терпится мне посмотреть, как вы обставили столовую. Я частенько заходила к прежним жильцам, и всегда мне казалось, что они поставили буфет не в то место. А вы ещё и перекрасили всё, слышала я, так что сгораю от нетерпения. Я уж даже снаружи посмотрела, что у вас там всё сине-голубое, но одно дело — увидеть снаружи и совсем другое — изнутри.

— Столовую мы ещё не доделали, — ответил папа, — так что смотреть её рановато.

— Понимаю, понимаю, — сладко проворковала дама голосом, полным любви, — но мне бы только одним глазком взглянуть, а остальное я и сама представлю.

Какая бы буйная фантазия у неё ни была, ни за что не представить ей нашей гостиной, подумала мама. Филипп внимательно прислушивался к их беседе и теперь пулей вылетел за дверь.

— Позвольте сначала показать вам второй этаж, — сказала мама. — У Малыша теперь отдельная комната, Филипп сам её красил.

Малыш сразу вспомнил, что после прогулки кинул одежду на пол. Он схватил за руку Магнуса и вместе с ним тоже выскочил из комнаты.

– Быстрые у вас мальчики, – заметила дама.

Малыш с Магнусом наводили порядок в комнате.

– Давай сунем одежду под одеяло, это самое быстрое, – предложил Магнус.

– Что за суэта? – спросил сверху Щепкин.

– Сейчас сюда придёт толпа народа, чтобы с тобой поздороваться, – скороговоркой выпалил Малыш.

– Даже не думай об этом! – твёрдо сказал Щепкин. – Спрячь меня тоже под одеяло.

– Нет уж, – строго ответил Малыш. – Ты должен помочь маме, она боится.

Вот в дверь влилась волна гостей, оттеснив Малыша с Магнусом к окну. Они застыли не дыша. Одеяло немного горбилось, но в целом комната выглядела аккуратной и прибранной.

– Восхитительно, – сказала всё та же дама.

– А что это за потрясающие фигурки на полке? – спросил глазастый дедушка Магнуса.

– Это Щепкин, Корнеевна и Корешок, я их сам нашёл там, где мы раньше жили, – ответил Малыш.

– Очень они мне нравятся, – сказал дедушка. – Магнус, меня бы такой подарок на Рождество очень порадовал. Не точно такой. Но похожий. Так что смотри внимательно по сторонам, когда в лесу гуляешь.

— Но посмотрите на эту принцессу верхом на коне! — воскликнула дама. — Это наверняка настоящий художник делал.

— Да, — кивнул Малыш, — их вырезал старый столяр из Гампетрефа.

— Это с ним мы пойдём на прогулку, когда он приедет, — довольно сказал дедушка Магнуса. — Будет интересно.

Потом они осмотрели все остальные комнаты на втором этаже. Здесь везде мама успела прибраться, так что всё прошло отлично. Но дальше тянуть время было невозможно, гостей надо было пустить в столовую. Мама не видела ни папы, ни Филиппа и надеялась, что они успели сделать в столовой хоть что-то. Но хватило ли им времени вымести стружки и опилки? И что они придумали с верстаком? Мама распахнула дверь, и гости устремились в столовую. Пол был чисто выметен, ни кучочка стружки, ничего. Верстак был покрыт нарядной белой скатертью, а сверху стояла ваза с цветами.

— Изящно! — сказала любопытная дама. — Красивые тона.

— Немного стол маловат, — заметил папа, — но мы надеемся, что он будет подрастать и радоваться.

Снова что-то заклокотало и разлилось смехом. Малыш заметил, что полюбил этот звук, потому что едва где-то возникало напряжение, как он рассеивал его и улучшал всем настроение.

— А что это за мебель такая интересная? — спросила дама, приближаясь к верстаку. — Буфет или большой стол для торжественных случаев?

Следом за ней и несколько мужчин подошли поближе.

Судя по маминому лицу, она напряжённо думала. А потом в лице её появилась решимость. Она сжала папину руку и сказала:

— Вовсе нет. Это верстак. Филипп, не мог бы ты снять скатерть?

Филипп сдёрнул скатерть, и все увидели огромный верстак и ящик с инструментами под ним.

— Ну да, конечно, — сказала дама, — вы же ещё не закончили обустройство.

— Да нет, — ответил папа, — он тут останется. Столовая такая большая, что нам кажется, здесь каждому найдётся место для любимого занятия. Вот здесь в углу мы поставим мамину швейную машинку и, возможно, письменный стол, потому что мама говорила на днях, что думает пойти поучиться. А в третьем углу мы разместим мольберт. Вдруг мальчики захотят рисовать?

— Хм, — хмыкнула пожилая дама. — Никогда не видела, чтобы всё это держали в столовой, особенно верстак.

— А когда мы позовём гостей, мы накроем верстак скатертью и поставим на него закуски для фуршета, — улыбнулась мама.

— Bravo, дорогая моя, — сказал дедушка Магнуса. — И добро пожаловать в Бесбю. А нельзя мне, —

шёпотом спросил он папу, — иногда приходить к вам немножко постолярничать, а то мы сдаём первый этаж двум пожилым женщинам.

— Их зовут Тилла и Констанция, — добавил Магнус.

— Да, поэтому дома вволю не постучишь.

— Приходите, когда хотите. Милости просим, — сказал папа.

Гости стали прощаться и благодарить за чай. Малыш видел, какие завистливые взгляды кидают на верстак мужчины, и был счастлив, что мама — это его мама, а папа — его папа и что Филипп — его старший брат.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО

В Бесбю оказалось много нового для Малыша, что ни день он обнаруживал очередную диковину. Но под Рождество он чуть было не лопнул от удивления — в Бесбю появилась целая рождественская улица. Крепкие парни расставили вдоль неё стремянки и много дней растягивали над головами прохожих гирлянды из еловых веток, а потом вдруг включили иллюминацию. Малыш не знал, что зажгут огни, потому что лампочки прятались в еловых ветках. Улица стала такая красивая, что Малыш и Щепкин дня не могли пропустить и гуляли по ней после обеда,

любуюсь на крышу из огней и веток над головой. Все магазины украсили свои витрины, их тоже приходилось подолгу рассматривать.

По вечерам Малыш мастерил новогодние подарки, а днём помогал маме печь сладости к Рождеству, и дни пролетали в делах.

Наступил Рождественский сочельник, и все жители Бесбю пошли, разумеется, в церковь. Она стояла на отшибе, была маленькая, беленькая, но места в ней хватило всем.

В тот вечер гостей у них не было, но они и своей семьёй прекрасно водили хоровод вокруг ёлки. Щепкин, Корнеевна и Корешок тоже встали в круг. Рождество получилось тихое и мирное. Малыш с Филиппом долго рассматривали свои подарки, никто их не торопил, не отвлекал и не допекал. Уходя спать, Малыш унёс все дары с собой наверх и положил на кровать, чтобы утром ещё раз спокойно пересмотреть. Самому ему почти не осталось в кровати места. В ногах горой высился толстый свитер, который связала мама, а рядом стоял деревянный медведь, подарок столяра из Гампетрефа. Свёрток с ним был очень тяжёлый, и Малыш не смог угадать, что в нём. Ещё имелись варежки от тётушки Заботы и маленькая пила от старого друга Лилле-Бьёрна. Кнопка прислала альбом для рисования и краски, а новый друг, книжник Дорсен, прислал две книги. Никто ничего не понял, когда отец прочёл адрес. «Моему доброму другу Андреасу» — было написано в нём.

— Андреасу? — удивился папа. — Малыш, Андреас — это ты, но ни один человек тебя так не называет.

— Один называет, — ответил Малыш. — Мой второй друг в Бесбю. Здесь я дружу с Магнусом и книжником из книжного магазина.

— Вот оно что, — кивнул папа.

Хозяин магазина в Гампетрефе прислал в подарок два носовых платка. Между ними в посылке лежал ещё марципановый поросёнок, но теперь его и след простыл. Магнус нарисовал свой большой портрет с дедушкой, и Малыш уже повесил его на стену. Филипп подарил ему настоящий маленький рубанок, а от мамы с папой он получил новые зимние башмаки. О них Малыш узнал заранее, потому что его водили в магазин их мерить. Но вот чего Малыш не знал, так это то, что к башмакам прикрутят пару новеньких коньков, их-то он и хотел осмотреть и ощупать спозаранку, едва откроет глаза. Филиппу тоже подарили коньки, но другие, сразу с ботинками. И вот теперь Малыш сидел в своей кровати и мечтал, что было бы здорово пойти сейчас в комнату старшего брата и вместе с ним рассмотреть их новые коньки. Но у Филиппа каникулы, можно не вскакивать ни свет ни заря, так что он наверняка хочет подольше поспать или просто поваляться в кровати...

Так и заскучать недолго, решил Малыш. Неужели ему нельзя зайти к Филиппу и одним глазком посмотреть на его коньки? Вряд ли Филипп проснётся от

этого. Малыш сунул под мышки ботинки с коньками и на цыпочках прошёл мимо родительской спальни, будить маму с папой он тоже не собирался.

Малыш осторожно взялся за ручку двери, бесшумно нажал на неё, она опустилась, и дверь приоткрылась. И вот тут Малыш разинул рот от изумления. На кровати сидел одетый Филипп в новом вязаном свитере и держал в руках новые коньки.

— Ой, — сказал Малыш, — а ты спать не ложишься?

— Я поспал, — шёпотом ответил Филипп, — но я часто просыпаюсь рано, когда мне не надо рано вставать, ты же знаешь. А теперь я думаю прогуляться.

— Так рано? — удивился Малыш. — Ещё темно.

— Так в том-то и дело, — сказал Филипп, — это и хорошо.

Тут до Малыша дошло, что имел в виду старший брат: в Гампетрефе катка не было, поэтому Филипп как неопытный фигурист хотел потренироваться, когда на катке никого нет.

— А можно мне с тобой? — спросил Малыш. — Я не буду мешаться, просто тоже хочу раскататься.

— Можно, если оденешься за пять минут, — ответил Филипп. — А я пока приготовлю нам с собой бутерброды и предупрежу родителей.

— У-у, — задумался Малыш, — башмаки я сам не смогу.

— С башмаками я помогу. Не забудь ключ, коньки привинчивать.

— Хорошо, — ответил Малыш, на цыпочках побежал к себе и стал быстро одеваться.

— Куда ты опять собрался? — проворчал с полки Щепкин. — Разве сегодня не вроде как воскресенье? В доме тихо, слышу я...

— Ты прав, это называется рождественское утро. Сегодня никто не работает, а мы с Филиппом идём на улицу.

— Бегать, что ли? — продолжал ворчать Щепкин.

— Нет, мы на коньках идём кататься, вот на таких, — сказал Малыш и поднял их повыше. — Но я думаю, тебе не надо со мной идти, потому что лёд очень твёрдый, и если я упаду, ты ударишься.

— Естественно, я не брошу свою семью в Рождество, — ответил Щепкин с важным видом.

Под дверью родительской спальни Филипп крикнул:

— Мы с Малышом пошли покататься на коньках, к завтраку вернёмся!

— Да вы что! — сказала мама, включив ночник. — Времени шесть утра. Оденьтесь тепло, — велела она и заснула — она так устала с предпраздничными хлопотами, что ей хотелось поспать всласть.

Малыш с Филиппом шли по безлюдной улице, было непривычно, что вокруг никого нет и ещё не рассвело, хотя горели уличные фонари и светились витрины. Малыш даже пожалел, что они спешат на каток и не могут наконец в одиночестве разглядеть все витрины.

Они как раз проходили мимо окна с вертепом. Перед праздниками они с Филиппом провели много времени у этого окна, хорошенько всё рассмотрели,

а потом Филипп раздобыл картонную коробку и вырезал из неё хлев, а Малышу позволил слепить из глины разных животных. Сам он сделал Марию, Иосифа и младенца в яслях, а на заднике нарисовал синее звёздное небо. Они подарили вертеп родителям на Рождество, и мама сказала, что это самый лучший подарок за всю её жизнь, особенно потому, что Малыш с Филиппом сделали его своими руками.

— Малыш, пошли, — позвал Филипп. — Уже недолго.

Оказалось, на катке освещение не включено, братья едва видели друг друга.

— Давай сначала твои прикручу, потом свои наде- ну, — предложил Филипп.

Прикрутить коньки оказалось легче лёгкого, на раз- два всё было готово, но вот как люди ходят на этих узких острых полозьях — этого Малыш понять не мог. Он сделал два шага и шлёпнулся на попу. Надо было снова подняться, а это оказалась та ещё задача, потому что ноги предательски разъезжались. Помучившись, Малыш всё-таки встал на ноги. Эх, было б ему за кого подержаться... Филиппа просить смыс- ла нет. Он возится со своими коньками — затягива- ет шнурки. Придётся самому. А что, если вывернуть ноги? Тогда он дойдёт до льда как будто бы на ребре башмаков, а на льду всё полегче... Но нет, оказалось, что идти так не легче.

Филипп тем временем надел коньки. Он аккурат- но поставил рядом со скамейкой свои зимние башма- ки, теперь ему надо было встать на коньки. Но ноги

у него очень длинные, и они вдруг стали расползаться, причём как будто во все стороны разом. Упс! Филипп рухнул на лёд... Малышу даже показалось, что он сильно приложился носом.

— Ты не ушибся? — с тревогой спросил он.

— Не говори глупости, — огрызнулся Филипп. — Иди катайся, а я хочу покататься один.

Филипп копошился неподалёку от Малыша. Судя по всему, в компании он не нуждался. Не очень-то и хотелось, решил Малыш, которому было о чём подумать. Он пробовал так и эдак, но всё не мог постичь, как же двигаются на этих странных железках, которые у него под башмаками. Несколько раз у него получилось сделать шажок-другой, этим он гордился. Так он провёл много времени, но наконец оглянулся посмотреть, где же Филипп.

Брат оказался в противоположном конце катка. Рассвело, и Малышу было видно, что Филипп на коньках стоит и даже двигается, хотя и не очень элегантно. Малыш осторожно засеменил к брату. Но тут на лёд вышла группа больших мальчиков и девочек. Филипп тоже их увидел и замер. Малыш сообразил всё мгновенно. Он вообще всегда точно знал, какие мысли вертятся в данную секунду в голове брата. Просто он очень любил его и поэтому понимал его без слов. И теперь Малыш сразу понял, что Филипп не сойдёт с места, пока другие ребята не уйдут. А они только пришли и накатаются нескоро. Значит, Филипп всё это время простоит столбом на месте.

Малыш огляделся по сторонам и увидел башмаки Филиппа. Если он сумеет доставить их Филиппу, тот переобуется прямо там, где стоит, и сможет пойти домой. Малыш взял по башмаку в каждую руку и пошёл. Он шатался, падал и поднимался, он скособочил свои новые башмаки, но, как ни медленно он двигался, в конце концов до Филиппа дошёл.

— Филипп, вот твои башмаки, — сказал Малыш.

Филипп расцвёл:

— Дай пять, Малыш, ты отличный парень! Теперь самое время, я думаю, пойти домой и вкусно позавтракать.

Филипп долго расшнуровывал коньки, снимал их, натягивал башмаки.

— Надо же, застыли как, — только и сказал он.

Малыш от усталости уже не чувствовал ног, но ключ от коньков был у Филиппа, а дёргать его не хочется...

— Так, теперь твоя очередь, — проговорил Филипп, наконец переобувшись.

О, какое блаженство — снять коньки! Малыш прямо слышал, как радуются его ноги, как повторяют, что нет ничего лучше, чем ходить по земле в башмаках с толстыми, широкими подошвами.

— Пройдём здесь, — сказал Филипп и переставил Малыша с его коньками на ту сторону ограды, а потом перепрыгнул через неё сам.

Время не поджимало, и они с удовольствием рассматривали все витрины. А дома их встретил папа словами:

— Вы как раз вовремя пришли, сейчас у нас будет рождественский завтрак. Да, с Рождеством вас, мальчики!

В столовой было празднично. Верстак мама накрыла вышитой рождественской скатертью, на нём и на столе горели свечи. А ещё одну свечу мама поставила за вертепом, и пламя её мерцало как настоящая вифлеемская звезда. Малыш надел тёплые сухие носки и сел за стол. Какой же вкусный был сегодня завтрак!

— Как покатались? — спросила мама.

— Это непростое дело для новичков, — ответил Филипп.

— Ноги очень устают, — добавил Малыш.

— Но если мы будем тренироваться каждый день, то, думаю, научимся, — подытожил Филипп.

— Конечно, — кивнул Малыш.

НА ЛЬДУ

В эти рождественские дни Малыш видел Магнуса редко и мельком, потому что Магнус всех в городе знал и что ни день крутился у ворот нарядный, отправляясь к кому-то с праздничным визитом. Но у Малыша есть Филипп, так что он не грустит в одиночестве. Каждый день они с Филиппом вскакивали с петухами и шли на каток, но потом Малыш

заметил, что они выходят из дома всё позже, зато Филипп норовит задержаться на катке чуть подольше. Потому что теперь он катался очень прилично. И когда появлялись другие девочки и мальчики, ему не хотелось сразу убегать домой, как поначалу. Да, он начинал снимать коньки, но неспешно, переговариваясь с пришедшими.

— Филипп, а почему ты уходишь? — спросила одна из девочек.

— Я ещё не завтракал, — ответил Филипп.

— Тогда возвращайся поскорее, поешь и сразу приходи, — сказала девочка.

— Попробую, — кивнул Филипп, — если время будет.

И в какой-то день Малыш пришёл утром за Филиппом, а тот ещё и не думал вставать и сказал ему:

— Малыш, сегодня мы не будем суетиться, а пойдём после завтрака, зато покатаемся подольше.

— Понятно, — кивнул Малыш.

Он вернулся к себе в комнату и огляделся. Всё стояло по местам. Принцесса на коне и новый медведь — на верхней полке. Щепкин с семейством — на второй сверху.

— Давно ты ко мне не спускался, — сказал Малыш.

Щепкин не ответил, но Малышу показалось, что он вздохнул.

— Очень обижаешься? — спросил Малыш.

— Ты вырос, стал большим, — ответил Щепкин, — и у тебя было много дел, наверное.

— Это правда, но если хочешь, можешь пойти со мной на каток сегодня. Я уже неплохо катаюсь и почти не падаю.

— Тогда ты должен спрятать меня под свитер, чтобы меня не видели, — попросил Щепкин.

— Как скажешь, — ответил Малыш, но обрадовался, что Щепкин сам это предложил — ему не хотелось, чтобы Филипп знал, что он взял с собой Щепкина.

Филипп уже привык, что они ходят вдвоём, а Щепкин ждёт дома, но сегодня всё шло не как раньше.

После завтрака братья вышли из дома, и старший не подозревал, что у младшего под тёплым свитером кто-то прячется.

— Давай сначала тебе помогу, — сказал Филипп, когда они пришли на каток. — Малыш, а может, ты уже и сам справишься? Вот тебе ключ от коньков, давай-ка посмотрим.

Малыш сел и стал прикручивать коньки к башмакам. Он много тренировался дома и справился легко.

— Вот видишь, — сказал Филипп. — Теперь положи ключ в карман, чтобы ты мог переобуться в любой момент, как только захочешь.

— Угу, — кивнул Малыш.

— Интересно, чем у Филиппа занята сегодня голова? — спросил Щепкин из-под свитера. — Он, похоже, думает не о тебе, Малыш.

Малыш и сам подумал о том же, но сию секунду он выписывал красивые круги вокруг Филиппа, пока

тот шнуровал свои коньки. На катке было много людей, но вот пришли большие мальчики и девочки и направились напрямиком к Филиппу.

— Привет, Фил! Ты, что ли, позавтракал и будешь кататься с нами?

— Угадали, — ответил Филипп.

— Ну что, Щепкин, держишься? — спросил Малыш.

— Вот только что чуть не кувыркнулся, — ответил тот. — Я боюсь только одного — чтобы ты не упал.

— Ерунда какая, — отмахнулся Малыш. — Подумаешь, упаду — так встану, не переживай.

И он сжал Щепкина и сделал несколько очень красивых, уверенных конькобежных шагов. А когда оглянулся, Филипп вместе с остальными большими ребятами на дикой скорости носился кругами по катку. И Филипп катался ничуть не хуже остальных, хотя они наверняка тренировались много лет.

— Всё, не будем больше на него смотреть, — сказал Щепкин.

— Не будем. Ему веселее с такими же большими, как он сам, — вздохнул Малыш.

— Ты тоже когда-нибудь вырастешь, — ответил Щепкин.

«Жалко, Магнуса тут нет», — подумал Малыш, но вслух не сказал, боясь обидеть Щепкина. И стал кататься. И катался долго-долго, аж все мышцы заболели.

— Всё, Щепкин, пойдём домой, — сказал он наконец. — Как думаешь, надо Филиппа предупредить?

— Да ну, — ответил Щепкин.

Филипп был очень далеко и так увлечён игрой, кажется в салочки, что Малышу не хотелось его отвлекать. Он дошёл до выхода, а там сел прямо на лёд. И то сказать, ему только коньки открутить, и всё, можно идти домой.

— Вот и отлично, — сказал Щепкин, — а то у меня нос замёрз.

— Ничего себе, — удивился Малыш и снял с руки варежку, чтобы легче было выудить ключ из карма-

на. Но что-то он не мог его нащупать и запустил руку поглубже в карман.

— В другом посмотри, — посоветовал Щепкин.

— Нету, — ответил Малыш и ещё раз ощупал первый карман.

Потом оглянулся на каток — где-то там на льду лежит его ключ.

— Придётся мне обойти весь каток ещё раз, — сказал он Щепкину.

— Смотри в оба, — велел тот.

— Ещё бы, — ответил Малыш и пошёл.

Было самое время попросить о помощи Филиппа, но он всё время оказывался не там, где Малыш, и проносился на такой скорости, что Малыш не успевал его окликнуть. Вдруг Малыш снова оказался у выхода.

— Та-ак, — сказал Щепкин, — а я-то думал, мы домой пойдём.

— И пойдём, — уверил его Малыш. — В коньках можно идти и по дороге тоже.

— Ну да, сейчас ведь зима, — рассудительно заметил Щепкин.

И Малыш похромал по тротуару на коньках. Все встречные останавливали на нём взгляд и наверняка умилялись, до чего этот малыш любит коньки. А Малыш шёл из последних сил, и ступни, и вся нога внутри башмака очень болели.

— Не сдавайся, Малыш, иди, — подбадривал его Щепкин из-под свитера.

— Я еле тащусь, — ответил Малыш.

— Уже недалеко, — сказал Щепкин.

— Знаю, — ответил Малыш и подумал, как же приятно будет попасть домой. Мама наверняка даст ему перекусить и даже сварит какао, если он попросит.

И вот они уже на своей улице, и невдалеке их дом, озорно выглядывающий из-за белого навеса.

— Дошли, Щепкин, — сказал Малыш.

Он чуть ли не вбежал на скособоченных коньках в ворота и дальше, к двери. Она оказалась заперта, он постучал, никто не открыл, Малыш позвонил...

— Мамы нет дома, дверь заперта, — сказал Малыш.

— Не говори этих ужасных слов, — испугался Щепкин.

— Наверно, просто вышла в магазин или на прогулку, — сказал Малыш. — Она думает, что я с Филиппом, а у него ключи от дома есть.

— Зато у тебя нет, — напомнил Щепкин.

— Нет, — кивнул Малыш. — Что будем делать?

— Пойдём сходим к этому твоему Магнусу?

— Если только он дома, а не опять в гостях, — ответил Малыш.

Они снова вышли за ворота и зашли в ворота Магнуса. Навстречу им тянулись следы, а вот к дому следы почему-то не вели. Малыш с трудом вскарабкался на крыльцо.

— Мне кажется, я что-то слышу, — сказал Щепкин.

— Кто-то там шаркает, — кивнул Малыш. — Это, наверно, Магнус снял тапки и ходит в носках.

Дверь открылась, пожилая дама увидела Малыша и вздохнула два раза.

— Магнус дома?

— Нет, его как раз нет, — ответила старушка, — он в гостях, а мы с сестрой думали вздремнуть, пока мы одни в доме.

— Прошу прощения, я не знал, — извинился Малыш.

— И правда, — сказала старушка и улыбнулась, — приходи, дружок, завтра.

Дверь захлопнулась, и Малыш остался на крыльце — в коньках, ужасно уставший, с замёрзшими ногами, которых он уже почти не чувствовал, особенно один мизинец.

— И что же нам делать? — спросил Щепкин.

Малыш проковылял вниз по лестнице и всю обратную дорогу до ворот. Прямо перед ним на другой стороне улицы горел свет у башмачника. Он сидел и работал. Зажав губами гвозди, он забивал их в башмак, изредка поднимая голову.

— Идём к башмачнику, — предложил Малыш.

— Мы с ним незнакомы, — напомнил Щепкин.

— Уже не до того, — сказал Малыш. — Я больше не могу ходить на коньках.

— Будь добренький, спрячь меня получше, — заявил Щепкин. — Я хочу сначала послушать его голос и посмотреть, приветлив ли он.

— Если я спрячу тебя с головой, ты ничего не увидишь, — заметил Малыш.

— Я уже всё видел, — ответил Щепкин.

Малыш хотел бы войти тихо, но как назло коньки громко застучали по деревянному полу в прихожей, и башмачник вздрогнул и оторвался от работы.

— Ага, добрый день, — сказал он. — И что господину угодно — чинить башмаки или, например, сапоги?

— Нет, — прошептал Малыш, не зная, с чего начать. — У меня проблема с башмаками.

— Вот как? — сказал башмачник. — Дырка протёрлась?

— Нет, они совсем новые, — ответил Малыш. — Но я не могу снять с них коньки, потому что потерял ключ.

— Делать нечего, — вынув изо рта гвозди, произнёс башмачник, — надо вставать посмотреть, что там обесключилось.

Он встал, перегнулся через прилавок и посмотрел на ноги Малыша.

— Ага, — сказал он, — так-так-так.

— Ключ я потерял на катке и пошёл домой прямо так, а мамы нет дома, ноги отморозились, и я больше не могу ходить на коньках.

— Ужасная история, — вздохнул башмачник. — Ключа для коньков не имею я, но мы можем снимать с тебя башмаки, и ты тут подождёшь, пока мама вернётся.

— В шнурки набился снег, и я не смогу их развязать, — ответил Малыш.

— С этим я умею, — ответил башмачник.

Он вышел из-за прилавка, развязал шнурки и бережно снял с Малыша ботинки с коньками. Ноги у Малыша были как ледышки, и башмачник стянул с них мокрые носки и стал мягко растирать ему ноги. Он оглядел свою мастерскую и сказал:

— Это всё ботинки чужие, их я одолжить не могу, но в подсобке были старые туфли, сейчас принесу.

Он принёс пару валяных тапок, ногам в них было очень приятно, и жизнь Малыша наладилась.

— Ты говоришь по-норвежски или по-иностранному? — спросил Малыш.

— Я говорю по-норвежскому, — ответил башмачник, — хотя я шведский. Но я живу в Норвегии уже девятнадцать лет и по-норвежскому говорю.

Малышу казалось, что башмачник говорит на двух языках сразу, но вслух он этого не стал говорить, а нашёл скамеечку, сел на неё и стал смотреть, как башмачник зашивает ботинки и забивает гвозди. Их он держал во рту и разговаривать не мог, это Малыш сразу понял и тоже помалкивал.

— Он милый, — сказал из-под свитера Щепкин. — Подтяни меня наверх, чтобы голова высунулась.

Малыш осторожно вытянул Щепкина из-под свитера, и башмачник кивнул ему в знак приветствия, но гвозди изо рта не вынул.

Малыш выглянул в окно. Он боялся пропустить маму, но вдруг увидел, что кто-то выбежал из их

ворот. Это был Филипп, он нервно огляделся по сторонам и потом припустил бегом в сторону центра.

— Ой, — сказал Малыш, — можно я выбегу в твоих тапках на улицу? Там мой брат, он меня ищет и думает, что я потерялся.

— Дружок, я тебя не понимаю, — сказал башмачник, — но бегать всегда полезно.

— Я с тобой! — запросился Щепкин, хоть башмачник ему и понравился, но всё же не резон оставаться тут с ним одному, когда Малыш убежит.

— Бежим! — кивнул Малыш, подхватил Щепкина и выскочил на улицу.

Выскочил — это сильно сказано, потому что бежать в огромных чужих тапках Малышу было трудно. Он наступал себе на носки, спотыкался и падал, один раз даже выскочил из тапки, так что пришлось возвращаться. Но всё-таки он спустился вниз по улице. Интересно, куда Филипп бежит его искать? Окликать брата смысла не было, потому что он убежал далеко вперёд. Вдруг Филипп скрылся в каком-то доме, и Малыш прибавил ходу.

— Давай, Малыш, жми! — кричал ему Щепкин.

Многие покупатели удивились, когда Филипп влетел в книжный магазин, напрямик побежал к столу, накрытому ради праздника зелёной скатертью с рождественской вышивкой, задрал её, встал на четвереньки и полез под стол.

— Нет, Филипп, сегодня его там нет, — ответил книжник и улыбнулся.

— Эх, как плохо, — вздохнул Филипп, — я так надеялся, что он тут.

И в ту же секунду в магазин вбежал Малыш в тапках. Он так торопился, что одна тапка соскочила с его ноги, пронеслась по полу и юркнула под печку.

— А вот и он! — сказал Филипп, как будто остальные могли Малыша не заметить.

— Ага, — сказал довольный Малыш.

Теперь он встал на четвереньки и выудил из-под печки свою торопливую тапку.

— Что у тебя на ногах? — спросил Филипп.

— Потом скажу, — прошептал Малыш: ему было неловко, что все слушают.

— Хорошо, — кивнул Филипп. — Быстро на табуретку, раз-два.

Он поднял Малыша и водрузил на табурет. Малыш стоял неустойчиво, но Филипп скомандовал:

— Залезай мне на спину, а я буду придерживать твои тапки.

Потом Филипп вежливо поблагодарил хозяина и поклонился.

— Я подержу вам дверь, — предложил книжник.

На улице Малыш сразу сказал:

— Понимаешь, я потерял ключ.

— Ключ от дома? — уточнил Филипп.

— Нет, для коньков. Поэтому пошёл домой прямо на них, а мамы дома не оказалось, и Магнуса тоже.

— Почему ж ты не сказал мне об этом на катке? — изумился Филипп.

— Я не смог сказать, потому что ты всё время был далеко, — объяснил Малыш.

— Фу-ты, — огорчился Филипп, — я не нарочно. Просто было так здорово гоняться в салки, что я забылся.

— Ты катался отлично, — похвалил Малыш, — гораздо лучше многих.

— Ты считаешь? — спросил Филипп и молодецки повёл плечами.

Малыша на закорках слегка тряхнуло.

— Представляешь, — сказал Филипп, — я нашёл валявшийся на льду ключ и подобрал его. Думал, хорошо иметь запасной. А он твой, оказывается.

— Ага, наверняка мой, — кивнул Малыш.

— А вот тапки на тебе чьи? — спросил Филипп.

— Башмачниковы, — ответил Малыш. — А мои башмаки с коньками лежат у него.

— Тогда сначала зайдём к нему, — решил Филипп.

С Малышом на закорках он зашёл в обувную мастерскую и сказал:

— Большое спасибо за помощь, мы вам очень благодарны.

— Очень смешно получить гостя, приятно нам, — проговорил башмачник. — Теперь сделаю дружбу с тобой тоже. Но скажу тебе вопрос: вы ботинки дома тратите? Вы приехали летом, и ни один башмак от вас ко мне ещё не приходил.

— Скоро придём, — пообещал Филипп. — У меня в одном ботинке дырка намечается.

Потом Филипп открутил коньки и надел на Малыша ботинки, а Малыш аккуратно поставил на прилавок тапки и сказал:

— Спасибо за прокат.

Братья пошли домой, ключ у Филиппа был. Он приготовил бутерброды, сварил какао и нашёл сухие тёплые носки Малышу.

Потом пришла мама.

— О, вы уже дома? Как сегодня покатались?

— Хорошо, — ответил Малыш, а больше ничего говорить не стал, чтобы порадовать Филиппа.

И сам этому обрадовался.

ОБУВЬ

Малыш всё-таки слишком долго бегал с холодными ногами, когда потерял ключ от коньков, и подхватил насморк. Ночью нос так заложило, что Малышу пришлось сесть в кровати, чтобы хоть немного дышать.

— Попробуй лучше встать на голову, — посоветовал Щепкин.

— Дет, — отказался Малыш.

Наконец он заснул, но во сне то чихал, то кашлял. Мама заходила к нему несколько раз и решила, что Малыш денёк побудет дома и на каток не пойдёт.

«Ну и ладно, — подумал Малыш, — каникулы у Филиппа всё равно кончились, а я не такой больной, чтобы меня держали в кровати. Даже приятно чуточку приболеть и посидеть взаперти, есть время заняться интересными делами». Он постолярничал, пошил (мама села за швейную машинку, и ему тоже достался лоскуток для шитья), помог маме поставить тесто для хлеба. Но потом мама собралась в магазин, чтобы приготовить обед к приходу папы и Филиппа.

— Будь хорошим мальчиком и жди меня тут, я скоро вернусь, — сказала мама.

— А нельзя мне позвать Магнуса? — спросил Малыш.

— Нет, — не разрешила мама. — Он здоров, и будет неприятно, если он, поиграв с тобой, заразится и заболит.

— Понятно, — вздохнул Малыш.

Он сходил наверх и принёс Щепкина.

— Мы с тобой будем стоять у окна, пока мама не вернётся, понял? — сказал он. — Мама, а ты ходи быстро, одна нога тут, вторая уже там.

— Конечно, — кивнула мама.

Уходя, она оставила на столе блюдец с сахарными крендельками и стакан молока и даже яблоко положила.

— Не грустите тут, — сказала мама, и дверь за ней захлопнулась.

Малыш с Щепкиным стояли и смотрели в окно, как она уходит. Мама обернулась и помахала рукой,

Малыш помахал в ответ. Он махал, пока она не скрылась из вида.

— Ну вот, остались мы совсем одни, — сказал Малыш Щепкину.

— Хотя бы не говори об этом! — взмолился Щепкин.

— Горшки с цветками тоже с нами дома, и диван, и стол со стульями, и картины, — начал перечислять Малыш.

— Здесь так тихо, — сказал Щепкин. — Стулья, картины и диваны — все помалкивают.

— Зато ты трещишь как сорока, — ответил Малыш. — К тому же тут совсем не тихо. И могло быть гораздо тише. Мне кажется, дом поскрипывает.

— Нет-нет, — заметил Щепкин, — это у тебя мозги поскрипывают.

— Вот сейчас скрипит на кухне, — сказал Малыш.

— Нет, — возмутился Щепкин, — это на чердаке или в подвале.

— Лучше бы у нас был ма-а-ленький домик, — сказал Малыш, — чтобы мы могли видеть всё, что в нём происходит.

— Филиппу тогда было бы трудно делать уроки, — проговорил Щепкин.

— Да, — согласился Малыш. — Всё, смотрим в окно, а про остальное забываем.

— Верно, — кивнул Щепкин.

— Теперь мы как будто бы тоже идём по улице со всеми вместе, — сказал Малыш.

— Хм, — хмыкнул Щепкин, — хорошо, тебе не надо башмаки натягивать, мы всё-таки дома сидим.

— Вон башмачник тоже сидит в мастерской и в окно посматривает. Наверно, тоже хочет не обувь чинить, а погулять с народом.

— Как я его понимаю! — сказал Щепкин.

— Скажи, он очень добрый! Одолжил мне тапки, и вообще.

— Да, — согласился Щепкин, — за тапки ему отдельное спасибо.

— Ты заметил, что он был очень расстроен?

— Ещё бы, — сказал Щепкин. — Всё оттого, что у него нет никакого меня.

— Какого никакого меня?

— Ну никакого Щепкина. Не всем, знаешь ли, в жизни везёт.

— Это правда, — кивнул Малыш, — но вчера он грустил не из-за этого, а потому, что мы не носим ему нашу обувь. Он же любит её чинить.

— Лично у меня башмаков нет, — сказал Щепкин, — но я тебя понял. Я вообще почти всё понимаю.

— Ты молодец, — похвалил Малыш. — А у меня идея!

— Я знаю.

— Пойдём наверх, посмотрим, — сказал Малыш.

— Вот так я и думал, — ответил Щепкин.

Для начала Малыш изучил свою комнату. У него обуви было немного. Зимние башмаки — совсем новые, к сожалению. Коричневые ботинки, в которых Малыш проходил всю осень, имели вид уже довольно старый. Малыш подковырнул стельку и — о радость! — увидел под ней маленькую дырочку. Малыш расплылся в улыбке.

— Эти можем отнести, — сказал Малыш, — а мои чёрные туфли слишком красивые и блестящие, их в ремонт не возьмут. Думаешь, он не обидится, если мы принесём только два ботинка?

— А не стоит ли взглянуть на обувь Филиппа? — предложил Щепкин.

— Ты думаешь, я сам об этом не подумал? — спросил Малыш.

— Как ты мог об этом не подумать? — сказал Щепкин.

Малыш захватил с собой коричневые ботинки и пошёл к Филиппу.

У Филиппа в шкафу много обуви. В зимних башмаках он ушёл в школу, но дома остались его крепкие тёмно-коричневые ботинки и выходные, подаренные в прошлом году. Прекрасными их уже не назовёшь, решил Малыш. На носках какие-то царапины и шероховатости и краска потёрта, а на одном сбоку словно бы шов разошёлся.

— Ну вот, — сказал Малыш, — обе эти пары мы тоже берём. Порадуется башмачник-то! В чём же нам их нести? Может, возьмём папин большой рюкзак? Он должен быть в спальне, последний раз папа ходил с ним в поход.

Малыш сходил за рюкзаком. Он, правда, был большой, даже слишком. Малыш сложил в него свои ботинки и две пары Филиппа, а места осталось ещё больше половины.

— Какой-то у него грустный вид, когда он не заполнен, — сказал Малыш задумчиво.

— Может, у папы с мамой тоже что-то найдётся? — подсказал Щепкин.

— Молодец, Щепкин, быстро соображаешь! — похвалил Малыш.

У мамы с папой в спальне были два отдельных шкафа.

— Начнём с папиного, — сказал Малыш и открыл шкаф.

Обуви тут оказалось — не сосчитать! Какие-то старые ботинки, в которых папа летом красил дом. Они были ужасные, все в краске и дырках. Да и выходные папины туфли оставляли желать лучшего, сморщенные какие-то, а зимние башмаки замятые и каши просят.

— Берём все! — скомандовал довольный Малыш. — Теперь мамины, и готово дело.

У мамы была пара старых домашних туфель очень грустного вида. Малыш запихал в рюкзак их и ещё одни туфли, которые ему не понравились. Теперь рюкзак был набит так туго, что еле застегнулся.

— Всё, можем идти к башмачнику, — сказал Малыш.

— Мы не можем, нам нельзя на улицу, — напомнил Щепкин.

— На улицу мы и не идём, — сказал Малыш. — Ты, кстати, вообще дома оставайся и смотри в окно, а я тепло оденусь и скоренько сбегаю.

Он оделся, поднатужился и вытолкал тяжёлый рюкзак за порог. Щепкин смотрел в окно, как он волочит ботинки к башмачнику. Ну и тяжеленная же ноша оказалась!

Ввалившись с рюкзаком к башмачнику, Малыш долго переводил дух.

— О, к нам юный друг. Он пришли навестить к старику башмачнику.

— Нет, я сегодня дома сижу, я простыл. А сейчас просто принёс тебе обувь в ремонт.

У башмачника полезли глаза на лоб, когда он увидел здоровенный рюкзак, под завязку набитый башмаками да туфлями.

— Здесь на мне работа много дней, — сказал башмачник. Он расставил обувь на длинной полке и всю её занял. — Весело, — сказал башмачник, — работаю много дней, а ты приходи за ними в субботу.

— Спасибо! — ответил Малыш, подхватил пустой рюкзак и побежал домой, и, когда мама вернулась, они с Щепкиным стояли у окна точно так же, как и когда она уходила.

— Вам показалось, что меня долго не было? — спросила она.

— Мне показалось, ты всё время была тут, — ответил Малыш.

— Малыш, ты даже не съел кусок пирога, который я тебе оставляла? — удивилась мама.

— Сейчас съем, — сказал Малыш.

Он сел за стол на кухне и рисовал, пока мама готовила обед, потом помог ей накрыть на стол. Когда папа вернулся с работы, Малыш помахал ему в окно и побежал открывать дверь, а потом дождался Филиппа и открыл дверь ему тоже.

— Подумать только, как Малыш нас балует, когда болеет. Встречает каждого, как будто мы короли.

— С Малышом никаких проблем, когда он болеет, — сказала мама. — Он такой милый, мы чудесно провели день.

Малыш переглянулся с Щепкиным, и каждый из них подумал, что день был куда более насыщенный, чем думает мама, но это пока секрет. Вот будет сюрприз, когда вся обувь почти как новенькая вернётся домой! Малыш видел, что от башмачника ботинки выходят блестящие, прямо как из магазина, потому что, покончив с ремонтом, башмачник каждую туфельку полирует, наводя глянец. Думая об этом, Малыш улыбнулся.

— Чего-то ты сегодня больно весёлый, — заметил Филипп.

— Мы с Щепкиным тут кое-что придумываем, — ответил Малыш.

— А мне не до веселья, — сказал Филипп, — дел невпроворот. Вечером заседание школьного совета, а до тех пор уроки надо успеть сделать.

— Да уж, — согласился с ним папа, — дело серьёзное. Но всё-таки легче впрячься и поработать, зная, что потом тебя ждёт что-нибудь приятное.

— Ну да, — сказал Филипп, — что-то в этом есть.

Он быстро поел и испарился, а Малыш остался в столовой с мамой и папой. Потом папа прилёг на диван в гостиной, это тоже было приятно и уютно, Малыш устроился рядом на ковре, катал машинку и тихо болтал с Щепкиным. Потом все пили кофе с остатками рождественских сладостей. Филипп вниз не

спустился, и Малыш отнёс ему хвороста, ушек и сладких пластинок. Филипп набил полный рот печенья, но глаз от учебника не поднял — в такой он был спешке. Малыш, зевая, спустился вниз, а мама сказала:

— Похоже, пора тебе в кровать, Малыш. Ляг сегодня пораньше, ты вчера плохо спал.

Мама проводила его наверх, и Малыш сразу заснул. Он сегодня порядком устал.

Филипп доделал урок и стал собираться. Он принял душ, надел чистую рубашку, брюки и самый красивый свитер. Осталось только обуться.

— Надену-ка я коричневые ботинки, чтобы не переобуваться там.

Он полез в шкаф за ботинками, но их там не оказалось. Впрочем, остальной обуви там тоже почему-то не было, не считая его старых кед, из которых он давно вырос.

— Что за чудеса? — удивился Филипп. — А-а, понятно. Мама взяла всё вниз, чтобы почистить. А ведь всегда говорит, что мы должны следить за своей обувью сами.

Он взял вещи и в носках побежал вниз. Заглянул на кухню, но ботинок там не увидел. Остаётся лестница в подвал, там сложены все обувные принадлежности. Нет, тоже нет.

— Мам, — крикнул Филипп, — куда ты их дела?

— Кого?

— Мои коричневые ботинки. Куда ты их переставила?

— Твои ботинки? — очень удивилась мама. — А я здесь при чём?

— Ты не брала их чистить?

— Нет, — ответила мама, — знаешь, у меня без твоих ботинок дел по горло, весь дом на мне. За своей обувью извольте следить сами.

— Я и не просил ничего с ними делать, — сказал Филипп. — Они стояли у меня в шкафу, а теперь их нет. Вот я и подумал, что ты их взяла.

— Беда с вами, мужчинами, — вздохнула мама, — вас бесполезно учить искать. Если нужная вещь не стоит прямо под носом, всё — пиши пропало.

— Можешь говорить что хочешь, но в шкафу их нет, — ответил Филипп.

— Посмотри под кроватью тогда.

— Хорошо, — миролюбиво ответил Филипп, — пойду взгляну ещё раз.

По-прежнему в носках он поднялся наверх и снова посмотрел в шкаф, под кроватью и под комодом. Он даже под письменным столом на всякий случай посмотрел, но ботинок не было нигде. На всякий пожарный Филипп ещё раз сунул голову в шкаф.

— Мам, ну нет их тут, — крикнул он.

— Тсс, не кричи, Малыша разбудишь. Сейчас я к тебе приду, — ответила мама.

Она вошла в комнату Филиппа и остановилась у шкафа с видом опытного сыщика, который с первой же попытки всё найдёт. Хм, странно: в шкафу ботинок не оказалось. Мама заглянула под кровать, потом легла на пол и почти полностью под неё залезла.

— Может, они у нас в спальне заблудились? — предположила она. — У вас с папой размер теперь почти один, где чьи не разберёшь.

— Ну не знаю, — сказал Филипп, и они вместе с мамой пошли в спальню. — И тут нет, — сказал он, открыв дверцу папиного шкафа.

— Дай-ка посмотрю, — сказала мама. — Да тут вообще обуви нет, одни тапки старые.

Она открыла свой шкаф и охнула — тут тоже было пусто.

— Куда могла пропасть вся наша обувь? — изумилась мама.

— Да, моих чёрных туфель тоже нет, — сказал Филипп. — Ведь не мог Малыш взять их для своих игр?

— Скорей всего, — ответила мама с видимым облегчением. — Пойдём посмотрим.

Она осторожно открыла дверь к Малышу. Он спал крепко и спокойно, можно было не бояться войти. Мама прошла напрямик к шкафу.

— Его коричневых осенних ботинок нет, и нашей обуви тоже.

— Давай внизу посмотрим, может быть, он их в гостиной спрятал, — сказал Филипп.

Они спустились и, к удивлению папы, начали заглядывать во все углы, искать под мебелью.

— Во что играете? — спросил папа.

— Ботинки ищем, — ответила мама. — Филиппу пора уходить, а ботинок его нет. И наша обувь пропала почти вся, даже у Малыша одной пары не хватает.

— И вы подумали, что обувь стройными рядами сама пришла вниз и тут попряталась? — спросил папа, улыбаясь.

— Сейчас не до шуток, — проговорила мама. — Мы подумали, вдруг Малыш куда-то их унёс.

— Нет, он играл в машинку, — сказал папа.

— Я опаздываю. Что же делать? — спросил Филипп. — Не надевать же мне башмаки на высокой шнуровке, когда я так принарядился.

— Возьми мои пока, — разрешил папа и стал развязывать шнурки, — а мы с мамой ещё поищем.

— Они мне чуточку жмут, но ходить можно. Пап, спасибо! — сказал Филипп.

— Рад помочь, — ответил папа.

Теперь настала его очередь ходить в носках.

ВОР С БОЛЬШИМ СЕМЕЙСТВОМ

— К нам приходили чужие? Мама, ты была дома целый день?

— Да, только в магазин вышла, но Малыш всё время ждал меня у окна. Я вернулась, а он стоял на том же месте, где я его оставила. Он бы наверняка увидел, что кто-то вошёл в дом.

— Хм, — сказал папа. — Пожалуй, перемолвлюсь словечком с начальником полиции, мы с ним познакомились на новогодней вечеринке.

— Да, но давай при Малыше об этом не говорить, чтобы он не напугался, — попросила мама.

— Конечно, конечно, — кивнул папа. — Да и вообще, давай утра дождёмся, ещё подумаем. Вдруг в го-

роде есть люди, которые помешаны на обуви, тогда полицейский их просто назовёт, он же тут про каждого всё знает.

— Это правда, — согласилась мама.

А Малыш всё это время прекрасно себе спал. Нос отлично дышал, насморк прошёл, видно, Малыш выспал из себя простуду. Он проснулся свежий и бодрый. Он, похоже, заспался, потому что внизу Филипп крикнул «пока» маме с папой. Значит, завтрак уже на столе, подумал Малыш, сунул ноги в тапки, Щепкина — под мышку и пошёл вниз. Он уже хотел поздороваться с мамой, как услышал из-за двери кухни папин голос. Папа говорил такое, что Малыш застыл на месте как вкопанный и стал тихо слушать.

— Конечно, я могу позвонить ему с работы, но этот грабёж выглядит до того странно, что, пожалуй, я прогуляюсь до участка и поговорю с полицейским там, потому что хочу рассказать всё подробно.

— Отлично, — сказала мама, — только не забывай, мы договорились: Малышу ни слова. Ещё не хватало, чтобы он вечером боялся засыпать, напуганный всякими ворами и взломщиками.

— Само собой, — ответил папа. — Надеюсь, он уже поправился и может гулять, тогда бы он как раз погулял, пока полицейский тут всё осмотрит.

— Вообще это какой-то странный вор, — сказала мама. — Это же надо — прихватить обувь. Я могла бы ещё понять, если бы он утащил твои ботин-

ки или Филиппа. Но позариться на мои и Малыша!.. Это выше моего понимания.

— Может, у него семья большая, — сказал папа, — вот он и заботится о жене и сыне.

— Прекрасная история! — засмеялась мама. — А если говорить серьёзно, я очень надеюсь, что всё найдётся. Сейчас после Рождества нам не найти денег справиться всем столько новой обуви.

— Я тоже надеюсь, — сказал папа, — потому что если мы в этом загадочном грабеже не разберёмся, то и новая обувка исчезнет так же. Но я верю в полицию, они уж разведают, чьих рук это дело.

— Будем надеяться, — сказала мама.

По звукам Малыш понял, что папа встал со стула. Малыш стрелой метнулся назад в свою комнату и юркнул под одеяло. Сердце бешено колотилось, и Щепкин, лёжа у него на груди, подпрыгивал вверх-вниз.

— Спокойствие, — повторял Щепкин, — спокойствие.

— Я не хочу в тюрьму, — пролепетал Малыш.

— Быстро одевайся, — скомандовал Щепкин. — Ты слышал, что папа сказал? Лучше тебе погулять. Сегодня тебе надо чувствовать себя хорошо, никаких соплей.

— Я как-то себя вообще не чувствую, — сказал Малыш.

— Это ты от испуга, — подбодрил Щепкин.

Когда Малыш появился на кухне, мама была сама лучезарность.

— Привет, Малыш! Какие у нас с тобой планы на сегодня? У меня, к сожалению, маловато времени на совместные планы, я о тебе. После завтрака мне надо в магазин, а потом ты мог бы навестить Магнуса, а то ты что-то давно его не видел.

— Да он всё время по гостям ходил, — сказал Малыш.

— Тогда скорее завтракай, и пойдём, — улыбнулась мама.

Когда мама с Малышом выходили из ворот, башмачник, как всегда работавший за своим столом у окна, поклонился им с подчеркнутым уважением. Даже мама заметила и сказала:

— Надо же, как он к нам уважительно. Это ты с ним подружился, да, Малыш?

Сейчас бы Малышу самое время рассказать всё об обуви и ремонте, но как скажешь, когда в дело вмешалась полиция и папа пошёл в участок... Если б не это, Малыш бы просто сказал:

— Мама, я собрал всю нашу обувь и отнёс в починку. Видишь, вот башмачник чинит как раз коричневые ботинки Филиппа.

Но теперь признаваться было поздно, иначе полиция сразу узнает, что пропажа — дело рук Малыша. Эх, вот бы суббота была уже сегодня, тогда он тихо расставил бы обувь по местам, как будто ничего и не случилось. Наверно, надо ему поторопить башмачника.

— Видел ботинки Филиппа? — спросил Щепкин. Хоть у него только голова торчала из свитера, он,

конечно, всё углядел и хотел немедленно обсудить это вслух.

– Тише! – шикнул на него Малыш.

– Не расслышала, что Щепкин сказал? – с улыбкой переспросила мама.

– Так, ерунда всякая, – ответил Малыш.

– И ничего подобного, – заупрямился Щепкин.

– Может быть, ты хочешь сразу пойти к Магнусу? – спросила вдруг мама. – Я много покупать не собираюсь, и если тебе не нравится ходить со мной по магазинам, то...

– Ну... – ответил Малыш уклончиво. Вообще-то он любил ходить с мамой по магазинам, но сегодня у него не лежала к этому душа. – Пожалуй, я правда пойду сразу к Магнусу, – сказал он наконец.

– Привет ему, – кивнула мама.

Малыш вошёл в ворота, поднялся на крыльцо и позвонил. Дверь открыл Магнус.

– Это я, – сказал Малыш.

– Угу, – ответил Магнус.

– Хочешь со мной уехать?

Магнус очень оживился, заулыбался и ответил:

– Да! Это будет отличная игра!

– Это не игра. По моему следу идёт полиция, я должен бежать, пока меня не поймали.

– Вот досада, – сказал Магнус, – сегодня я не могу, иду в гости к тётушке Моссе.

– Опять в гости?

– Да, сегодня последний раз.

— Придётся мне в одиночку бежать, — сказал Малыш и медленно поплёлся домой.

Он вышел за ворота, поравнялся с магазином и тут остановился ни жив ни мёртв, потому что по улице шёл полицейский.

— Что делать, Щепкин? — прошептал Малыш.

— Убегай! — выдохнул тот. — Только меня не потеряй, я тоже не хочу в эту вашу тумру.

Малыш со всех ног бросился назад и вдруг увидел, что стоит перед мастерской башмачника.

— Привет, товарищ! — замахал ему башмачник. — Заходи по минутку. Или ты опоздаешь?

— Нет, ну да, ну... — промямлил Малыш. — Наши ботинки ещё не готовы, да?

— Все нет, — ответил башмачник, — но два почти при порядке уже.

— А я не могу их уже забрать? — внезапно спросил Малыш.

Он подумал, что полицейский, осматривая дом, меньше рассердится, если найдёт на месте хотя бы эти две пары.

— Конечно бери, — сказал башмачник и завернул ботинки.

Малыш взял свёрток под мышку и огляделся. Мама как раз возвращалась из магазина. Надо подождать, пока она зайдёт в дом, и незаметно войти следом. Мама никогда не запирает дверь, если сама дома.

Малыш выждал и вошёл в дом. Теперь мама наверняка на кухне разбирает сумку с продуктами. Ма-

лыш незаметно проскочил наверх и поставил одни ботинки в папин шкаф, а другие — к Филиппу.

— Кто там наверху? — спросила мама почему-то с испугом.

— Это я, — ответил Малыш.

— Ты уже вернулся? — удивилась мама. — Не хочешь гулять?

— Нет, я сейчас пойду, — ответил Малыш.

Ему хотелось добавить, что две пары ботинок уже вернулись в дом, но он побоялся. На мамином лице ясно читалось, что полиция на подходе.

Мама ласкова, как мёд, ага, а сама хочет выставить его из дома на время беседы с полицейским, чтобы не испугать, угу.

— Куда пойдём? — спросил Щепкин, когда за ними захлопнулась дверь.

— К нашему другу-книжнику, — ответил Малыш.

Они пришли в книжный магазин. Малыш, по своему обыкновению, залез под стол, только сегодня он просидел там гораздо дольше, чем обычно, до закрытия.

— Ну что, мой юный друг Андреас, — сказал тогда книжник, — сегодня нам пора по домам, обедать, а завтра жду тебя снова.

— Понимаю, — ответил Малыш, хотя сам не знал, куда им теперь деваться. Зато Щепкин знал.

— Помнишь, что ты говорил? — спросил он. — Давно, пока мы ещё не переехали в Бесбю. Ты говорил: «Там мы каждый день будем ходить на станцию

и смотреть на поезда». А пока мы с тобой так ни разу не сделали.

— Ты прав, — ответил Малыш, — не сделали, и сейчас самое время. Давай будем играть, как будто бы мы уезжаем далеко-далеко.

— Точно, — сказал Щепкин, — мы как будто бы сбегает.

— Ну да, — ответил Малыш.

А тем временем дома у Малыша все сели обедать очень рано.

— Давайте поедим, пока не пришла полиция, — сказала мама, — а Малыша позовём потом, когда они уйдут.

— Согласен, — кивнул папа. — Ему вообще незачем знать, что у нас пропала обувь. По крайней мере, сейчас можно ему об этом не говорить.

Они успели поест, вымыть посуду и накрыть стол для кофе, когда наконец раздался звонок в дверь и пришёл полицейский. Правда, он был без формы, Филипп огорчился даже.

Он ушёл к себе делать уроки, но только сел за стол, как в дверь постучали. Пришёл папа с полицейским.

— Позволь, мы осмотрим твой шкаф, — сказал папа.

— Здесь пропала одна пара ботинок коричневых тёплых и одна пара туфель чёрных? — уточнил полицейский.

— Да, — ответил Филипп. — Вчера я собирался их надеть, и тогда мы обнаружили пропажу, и мне пришлось идти в папиных.

— Вот в этих, которые на мне, — поддакнул папа, — потому что все остальные тоже исчезли. Ботинки стояли вот здесь, в шкафу. Ой, а это что?

— Это ботинки коричневые тёплые, — ответил полицейский, — но пропали, видимо, другие.

Филипп тоже подошёл, посмотрел и сказал:

— Нет, это те, которые пропали.

— Что-о? — изумился папа.

Филипп взял ботинки в руки и внимательно осмотрел.

— Стельки новенькие, — заметил он. — Похоже, ботинки побывали в починке.

— Очень странно, — сказал папа. — Может быть, мама отнесла их к башмачнику и забыла, а сегодня забрала, а чёрные пока ещё в ремонте?

— Угу, — кивнул Филипп, не открывая рта.

Он был так потрясён, что толком говорить не мог.

— Давайте осмотрим мой шкаф, — сказал папа. — Насколько я помню, из него исчезло всё подчистую, за исключением пары старых тапок.

Папа первым решительно вошёл в спальню и распахнул свой шкаф. На него смотрела пара подшитых, подбитых, подкрашенных и до блеска отполированных туфель.

— Странные обстоятельства, — заметил полицейский.

Папа распахнул мамин шкаф — пустота.

— Честно сказать, я вообще уже ничего не понимаю, — заявил папа. — Давайте взглянем у Малыша.

У Малыша всё было по-прежнему, потому что его коричневые ботинки ещё не вернулись.

— Может быть, вам ещё раз поговорить с женой? — предложил полицейский. — Женщины удивительно забывчивы. У меня у самого дома такие истории случаются регулярно. Не с обувью, но с другими предметами.

Они спустились в столовую. Там восхитительно пахло кофе, и мысли полицейского переключились на кофе, потому что у себя дома он всегда пил его как раз в это время.

— Мамочка, ты в последнее время стала иногда что-то забывать, нет? — осторожно начал папа.

— Я? Да нет, не больше, чем всегда, — ответила мама.

— А как обстояло дело всегда? — тут же шутливо спросил полицейский.

— Грех жаловаться, — ответила мама и засмеялась. — Присаживайтесь, кофе готов.

— Ты забыла, что две пары обуви в починке у башмачника, это факт. Наверно, ты и остальные ему отнесла.

— Что? — изумилась мама. — Я к нему ещё вообще ни разу не ходила. И как раз сегодня об этом думала, потому что он очень ласково поздоровался с Малышом, когда мы выходили из ворот.

— Ты твёрдо уверена, что сейчас ты ничего не путаешь? — спросил папа.

— Ещё бы, — сказала мама. — А что ты имеешь в виду?

— Филипп, — крикнул папа, — принеси то, что мы нашли.

Филипп притащил обе пары, мама долго вертела их в руках и даже понюхала. Сомнений не было: в ботинки вклеены новые стельки, а сами ботинки подшиты, подбиты, приведены в порядок и начищены.

— Так кто-то из вас носил их башмачнику? — наконец спросила мама удивлённо.

Филипп отрицательно помотал головой, и папа тоже, а полицейского интересовал только накрытый для кофе стол.

— Ой, кофе остывает, — спохватилась мама. — Пожалуйста, садитесь. Будем пить и думать.

Она налила полицейскому кофе, и он на время отвлёкся от расследования.

— Получается, вор отнёс наши ботинки в починку, потому что ему не понравился их вид, — сказала мама с улыбкой.

— Тогда он не стал бы возвращать их нам, — ответил папа. — Филипп, сходи-ка ты прямо сейчас к башмачнику, выясни, не у него ли обувное достояние нашей семьи.

Полицейский расхохотался, а вслед за ним мама.

— Не всегда расследовать дело о краже так приятно, — сказал полицейский. — Ваши сладкие булочки просто восхитительны.

– А где Малыш? – спросил папа.

– Он у Магнуса. Филипп сейчас вернётся и сходит за ним, – ответила мама.

– Хорошо, что он рядышком, – проговорил папа, но ошибся.

В БЕСБЮ НЕ ОДИН ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Когда Филипп пришёл к башмачнику, тот всё ещё работал, невзирая на поздний час.

– Здравствуйте, юный господин, – сказал башмачник. – Интересуется, готовы уже большие и маленькие ботинки для того, чтобы забрать?

– Да, но ничего страшного, – ответил Филипп.

– Сейчас посмотрим, – сказал башмачник и подошёл к полке, на которую он составил всё, что притащил Малыш. – Два обуви уже с вами, два прихорашиваются, а плохие только для ребёнка и для дамы.

– Время терпит. Мы сдали вам в починку слишком много пар.

– Мне немного, – сказал башмачник, – я очень радовался. А мальчику вашему носить много было. Но он всё приносил сразу. Большой рюкзак имел потому что.

— Понятно, — кивнул Филипп. — Мы зайдём позже и всё заберём. Но вы можете не очень торопиться. Всего доброго.

— Прощайте, — ответил башмачник.

Филипп вернулся домой и сказал:

— Нас ограбил Малыш. Он собрал всю обувь и отнёс башмачнику в починку. Башмачник не знает, что мы не в курсе дела, и я тоже не стал ему говорить. Он счастлив, что ему столько работы привалило, и до сих сидит трудится. Как раз к твоим туфлям приступил, — обратился он к маме.

Полицейский улыбнулся во весь рот:

— В этой семье обо всём приходится хлопотать самому младшему! Он наверняка хотел как лучше, так что вы его сильно не ругайте.

— Нет, — сказала мама. — Но смешно, что мы скрывали от него пропажу обуви, чтобы не напугать его ворами.

Полицейский рассмеялся, и папа тоже захохотал, один Филипп о чём-то напряжённо думал.

— А где Малыш? — спросил он.

— У Магнуса, по-моему, — сказала мама. — Филипп, сходи за ним.

Филипп добежал до соседей, позвонил в дверь — нет, Малыша у них не было, и самого Магнуса дома тоже не оказалось. На месте были только две старушки квартирантки с первого этажа, они сообщили, что Магнус в гостях у тёти Моссе.

— Спасибо, — ответил Филипп и пошёл дальше.

Начать он решил с книжного. Магазин был уже закрыт, но Филипп поднялся в квартиру над ним, где книжник жил, и спросил, не видел ли тот его брата.

— Андреаса? Да, он был у меня, просидел до самого закрытия. Я велел ему идти домой обедать. А что, он не пришёл ещё?

— Нет, — сказал Филипп. — Простите за вопрос, но не знаете ли вы как местный человек, где живёт тётя Магнуса по имени Моссе?

— Знаю. Моссе живёт в «Горшке герани», это дом номер три. Там раньше жила одна дама, она разводила потрясающие цветы, в основном герань, поэтому все в городе так это место и зовут.

Филипп опрометью бросился по указанному адресу и увидел домик с оранжереей в каждом окне и белыми занавесочками. Он снова позвонил в дверь, а когда ему открыли, спросил:

— Простите, нет ли здесь мальчика по имени Магнус?

— Есть. Минуточку, сейчас позовём.

— Привет, — сказал Филипп. — Ты Малыша сегодня видел?

— Видел, — ответил Магнус. — Он собирался бежать и хотел, чтобы я убежал вместе с ним. Но я сегодня убежать не мог, потому что мне надо было сюда идти.

— А куда он собирался бежать? — спросил Филипп.

— Не знаю, — ответил Магнус. — Он просто сказал, что если не сбежит, то его арестует полиция.

Тут Филипп решил, что самое разумное вернуться домой и рассказать всё взрослым.

— Малыш всё-таки услышал разговоры о грабеже, — сказал он и передал слова Магнуса.

— Ой-ой, — испугался папа, — я сейчас же иду его искать.

— Дайте знать, если не найдёте, — сказал полицейский. — Я шепну своим людям, и они подключатся к поискам.

— Конечно. Спасибо большое, — поблагодарила мама. — Извините, столько хлопот вам доставили.

— Я прекрасно провёл у вас время, — откланялся полицейский. — Божественный кофе и восхитительные булочки. Огромное спасибо!

— Где же нам его искать? — задумчиво спросил папа. — Его нет ни у Магнуса, ни у башмачника, ни в книжном, других его друзей я не знаю.

— Я тоже, — сказал Филипп. — Хотя постой — поезд! С ним Малыш дружит везде, где есть поезд.

— Филипп, давай на станцию, — велел папа. — Финские сани возьми!

В тот вечер кто-то стрелой мчался через Бесбю на финских санях. Это был Филипп. А папа обходил улицу за улицей, высматривая маленького мальчика, но не встретил ни одного.

А Малыш коротал время в углу зала ожидания на вокзале в компании Щепкина. Они играли, что они как будто бы уезжают.

— Щепкин, у тебя билет есть? — спросил Малыш.

— Есть, я же уже сказал, — ответил Щепкин.

С ними вместе поезда ждали разные люди, их в зале было очень много. Поезд подошёл, и все встали с мест. Малыш с Щепкиным встали тоже. Со всеми вместе они вышли на платформу и замерли у дверей вагона, ожидая, пока выйдут приехавшие в Бесбю. Потом все сели в поезд, но Малыш с Щепкиным остались стоять на перроне.

— Легкотня, — сказал Щепкин. — Сесть в поезд ничего не стоит, мы с этим справимся без проблем.

— Ничего трудного, — согласился Малыш. — Может, попробуем сесть на следующий. Только у нас билета нет.

— Да есть у меня билет, я же говорю! — расшумелся Щепкин.

— У тебя есть понарошку, — ответил Малыш.

Они вернулись в зал ожидания и сели на прежнее место. По виду Малыша каждый бы сказал, что он просто ждёт поезда, да и Щепкин развеселился. Вдруг Малыш втянул голову в плечи:

— Щепкин, полиция. Прячемся под стол.

— Нет уж, тогда лучше сядем в поезд не понарошку.

— Ты прав, — сказал Малыш, выскользнул из зала и встал в сторонке на большом вокзальном перроне.

— Вон идёт поезд, — сказал Малыш.

— Ага, — кивнул Щепкин. — Он куда идёт, как думаешь?

— Не знаю, — ответил Малыш. — Но нам всё равно надо ехать.

Он стоял и ждал. Когда все, кто хотел, вышли из поезда, новые пассажиры стали садиться в вагоны. Малыш подождал ещё немножко. Он хотел переждать толпу. Когда все вошли в вагон, он робко поставил на подножку одну ногу. И уже поднял вторую, как вдруг кто-то схватил его и поставил на перрон.

— Нет! — закричал Малыш. — Не надо меня в тюрьму!

— Нет конечно! Тише, тише, — сказал не полицейский, а старший брат Филипп. — Никто и не собирался.

— Собирался! — кричал Малыш. — К нам домой должен прийти полицейский, и он сразу разведает, кто утащил всю обувь, но я просто отнёс её к башмачнику, чтобы он сделал её красивой и чтобы вас порадовать и его тоже!

— Вот и отлично, — сказал Филипп. — Всё в порядке, мы всё знаем, полицейский уже ушёл. И знаешь, что он сказал на прощание: «В этой семье о туфлях и ботинках приходится хлопотать самому младшему. Он наверняка хотел, как лучше, так что вы его сильно не ругайте». Вот как сказал полицейский.

— Вон он, полицейский, опять пришёл, — не успокаивался Малыш.

— Он знает, что я тебя искал, и теперь радуется, что ты нашёлся. И папа тоже ходит тебя ищет. Мы все боялись, как бы ты не потерялся или не заблудился. Ты ведь не собирался уезжать по правде?

– Нет, я только долго в это играл, но потом увидел полицейского в фуражке... Если бы он меня нашёл, я бы угодил в тюрьму?

– Нет конечно, – ответил Филипп. – Разве ты не знаешь, что полиция никогда не забирает детей в тюрьму. Наоборот, они только помогают заблудившимся детям найти дорогу домой и утешают, если дети расстроены.

– Всё в порядке, вижу я, – сказал полицейский и отдал честь Филиппу и Малышу.

– Всё в порядке, – кивнул Филипп.

– Очень рад, – добавил полицейский, и лицо его расплылось в широкой улыбке. – Очень не люблю, когда такие карапузы куда-то деваются, а потом теряются. Спокойной ночи, Малыш, приятных снов!

– Он меня так хорошо знает? – удивился Малыш. – Ой, какой же я голодный!!!

Он сел на сани, и Филипп покатил его домой. По дороге они встретили папу и разрешили ему встать на полозья сзади, и так и доехали до дома. Мама выглядывала их в окно.

– Прибыл наш обувной генерал! – сказал папа.

– Их у нас, кажется, два, – ответил Филипп. – Щепкин, мне кажется, тоже во всём участвовал.

– Да, Щепкин тоже думал, что одной парой обуви башмачника не порадуешь, и помог мне найти ещё обувь. Мы с ним хотели сделать вам сюрприз.

– Даже не сомневайся, мы ни разу в жизни так не удивлялись, – уверил его папа. – В следующий раз

будь добр посоветоваться с нами, прежде чем заказывать кому-то работу, а то вся эта починка встанет нам в приличную сумму, хотя там много старой обуви, в которую мы уже не думали вкладывать деньги.

— Э-эх, — расстроился Малыш, — а сам я после Рождества совсем без денег.

— Вот и мы тоже, — ответил папа, — ну как-нибудь наскребём.

— У меня есть немножко, — сказал Филипп. — Мне на Рождество подарили пять крон.

— Мы справимся, — успокоил его папа. — Главное, что Малыш снова дома, с нами.

Малыш загрузил в себя несколько бутербродов и довольный отправился спать.

Но стоило ему улечься, как Щепкин сказал:

— Мне ужасно хочется одну вещь.

— Какую?

— Даже не знаю, хочу ли я тебе говорить, — ответил Щепкин.

— Давай уже говори.

— Тогда не смейся, — попросил Щепкин.

— Я не буду смеяться, — пообещал Малыш.

— Полицейскую фуражку, — выдохнул Щепкин. — Таковую, как у полицейского, который не посадил нас в тюрьму.

— А-а, — кивнул Малыш. Он не рассмеялся, только задумался. — Я скажу маме.

И почти тут же мама сама зашла в комнату. Она взяла Малыша и посадила себе на колени.

— Ты ведь не собирался убежать от нас, Малыш? — спросила она.

— Нет, я только всё время в это играл... почти, — ответил Малыш.

— Ты должен пообещать, что всегда будешь нам всё рассказывать, — сказала мама, — и тогда никаких неприятностей с тобой не случится. Дома ты можешь без утайки рассказать всё как есть.

— Тогда, — проговорил Малыш, — я должен сказать тебе что-то прямо сейчас.

— Что? — спросила мама с испугом, видимо прикидывая, что ещё из хозяйства Малыш мог сдать в ремонт.

— Щепкин мечтает о фуражке полицейского, — прошептал Малыш чуть слышно.

— Вот оно что! — улыбнулась мама одним уголком губ, но, к счастью, не рассмеялась, а то бы Щепкин очень обиделся. — А теперь спокойной ночи, сынок, засыпай.

Малыш улёгся поудобнее. Как же хорошо лежать в своей кровати и ни о чём не тревожиться!

Проснувшись утром, Малыш взглянул на Щепкина, зажмурился и снова открыл глаза. Так и есть — Щепкин стоял на своей полке в полицейской фуражке. Корнеевна и Корешок не сводили с него глаз, а он повторял:

— Не заблудился ли у нас тут кто? Я помогу вам найти дорогу домой и утешу, если вы расстроены.

У Щепкина забот оказалось выше крыши: и с семьёй пообщаться, и служба полицейская, так что Малыш отправился на улицу один. Походил-походил и вдруг встретил вчерашнего полицейского. Малыш вскинул руку к виску, и полицейский, похоже, тоже узнал его, потому что отдал Малышу честь и спросил:

— Всё в порядке, Малыш?

Полицейский не торопясь пошёл дальше, а Малыш заложил руки за спину и пристроился за ним следом. Он как будто понарошку тоже был полицейский и внимательно поглядывал по сторонам — не потерялся ли где ребёнок? Не сразу, но он всё-таки заметил одного мальчика, который озирался по сторонам и явно кого-то искал. Это был Магнус.

— Дружочек, ты потерялся? — спросил Малыш.

— Нет, я тебя ищу, — ответил Магнус. — Хотел сказать, что сегодня у меня есть время сбежать, если ты соберёшься.

— Нет, только не сегодня, — сказал Малыш. — Сегодня у меня отличная игра.

— А во что ты играешь? — спросил Магнус.

— В полицейского. Разве не видно? — ответил Малыш.

Его потрясло, что Магнус сам с ходу не догадался, потому что он себя чувствовал настоящим полицейским.

— А-а, — сказал Магнус.

— Сейчас я тебя всему научу, — пообещал Малыш. — Мы можем работать в паре, если хочешь.

В этот день Бесбю патрулировали трое полицейских — один большой и два маленьких, так что все городские дети должны были чувствовать себя в полной безопасности. А уж дома у Малыша и подавно. Мама, Корнеевна и Корешок ощущали себя королевскими особами, раз их покой охраняет собственный полицейский.

— Что бы ни случилось, сразу зови меня, — сказал Щепкин. — Встретишь вора, тоже скажи.

Но никакой вор, конечно, не осмелился сунуться к ним. И ботинки у них с того дня больше бесследно не пропадали. Так что не зря Щепкин носит полицейскую фуражку.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Напоследок	5
Своя комната	17
Первое утро	29
Удочка с наживкой	40
Душ	52
Комната Малыша	64
Заходите, заходите!	78
Рождественское утро	94
На льду	104
Обувь	118
Вор с большим семейством	133
В Бесбю не один полицейский	146

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста

ВЕСТЛИ Анне-Катрине

ЩЕПКИН И ДЕЛО О БОТИНКАХ

Повесть

Ответственный редактор *А. Ю. Бирюкова*
Художественный редактор *П. Е. Подколзин*
Технический редактор *С. А. Грачёва*
Корректор *Т. С. Дмитриева*
Компьютерная вёрстка *О. В. Попова*

Подписано в печать 25.06.2016.

Формат 84×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,6.

Тираж 6000 экз. D-VES-11394-01-R. Заказ № 5666.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака Machaon
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
e-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
e-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 6-й этаж
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

ЧП «Издательство «Махаон»
61070, Харьков, ул. Ак. Проскуры, д. 1
Тел. (057) 315-15-64, 315-25-81
e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа»
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, д. 46
Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51

Есть книги, которые каждому необходимо прочитать в детстве. Среди них – книги известной норвежской писательницы АННЕ-КАТРИНЕ ВЕСТЛИ (1920–2008). На родине её имя известно каждому, а её популярность в Европе можно сравнить только с популярностью Астрид Линдгрен. Более чем за полвека литературного творчества Вестли написала 56 книг и получила почётное звание Бабушки Всей Норвегии. Её книги переведены на многие языки и пользуются огромной популярностью во всём мире.

Если вы уже читали книжки про Малыша и его верного товарища, деревянного человечка по имени Иценкин, вам наверняка захочется узнать новые истории о жизни этих загадочных друзей.

В повести «ИЦЕНКИН И ДЕЛО О БОТИНКАХ» рассказывается о том, как Малыш и его семья переехали в город Бесбю. Там Малыш и Иценкин познакомились с соседским мальчиком Магнусом, с продавцом книжного магазина и с башмачником. И вот однажды с лёгкой руки башмачника Малыш и Иценкин оказались втянуты в странное дело о пропаже ботинок...

